

Татьяна Кайзер

Словник Пилигрима

Берлин 2020

- © Татьяна Кайзер: Словник Пилигрима
- © В книге представлены деревянные скульптуры и картина Любомира Романовича Древняка

- © Редактор и вёрстка: Т.Кайзер
- © Дизайн фото: Б.Кайзер

Наша жизнь – мозаика из слов. И хотя у каждого свой неповторимый узор микрокосма, многие фрагменты одинаковы. Потому как мы – единомышленники с общими понятиями и лексиконом. Вам мои друзья, мои со-путники по жизни в дар этот «Словник пилигрима».

Copyright © 2019 bei T.Kaiser
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten
Публикуется в авторской редакции
ISBN 978-3-947564-62-0
Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo@gmx.de

Printed in Germany

Содержание

Молитвенное слово	6
Молитва Творцу	7
Молитва Святому Духу	7
Молитва Ангелу-Хранителю	8
Молитва иконе Богоматери «Утоли моя печали»	9
Мольба	9
Молитва девицы о честном супружестве	10
Молитва за дочь	11
Молитва Св. Пантелеймону-Целителю	12
Молитва о примирении	13
Молитва о братстве	14
Господь, прости Души забавы	14
Азбука Любомудрия	16
Ад и рай носим в себе	17
Бессонница	17
Бесплатно	18
Вера	19
Воскрешение	20
<i>Христос воскрес! Воскрешение Лазаря</i>	
Воспитание. Дети	22
<i>Материнская защита. Будьте как дети</i>	
Время	29
Грехи	30
<i>Блуд. Гнев. Гордыня. Зависть. Недовольство.</i>	
<i>Обида. Своеволие. Страх. Суждение. Тщеславие.</i>	
Добро и зло	42
Добродетели	43
Дружба	46
Душа	47
Дух	50

Жизни Мозаика	51
<i>День рождения. Карта жизни. Остров. Мозаика.</i>	
<i>Уроки. Как узнать. Моя жизнь. Юбилей. Внуку</i>	
Заповеди <i>Десять Заповедей</i>	65
Исповедь	71
Иуда	72
Каин и Авель	72
Лень	73
Любовь	74
Мудрость	76
Музыка сфер	78
Обман	79
Опыт	80
Память	81
Покаяние	82
Пост	83
Праздники Религиозные	84
<i>Крещенская ночь. Пасха. Рождество. Прощёное</i>	
<i>Воскресенье</i>	
Преображение	90
Путь. <i>Встречи</i>	93
Радость	96
Розарий Девы Марии	97
Сердце	98
Слово <i>Словоблудие. О сути Слова</i>	99
Судьба	103
Суета	105
Счастье	106
Талант	108
Уход <i>Свет свечи. Дальше</i>	109
Учитель	112
Фома неверующий	113
Чистота	114

Эгоизм	114
Эмиграция	116
Юродивый	117
Притчи	119
О благе	120
О вере	121
О гармонии. О желаниях	122
О познании истины	123
О выборе креста. Об обмане	125
О плате	126
Об умении видеть помощь	127
О счастье	128
О точках зрения. О становлении	129
О двух монахах и женщине	131
О чувствах и эмоциях	132
<i>Блуд</i>	132
<i>Вина и Стыд</i>	135
<i>Гнев</i>	139
<i>Гордыня духовная</i>	141
<i>Жадность.</i>	148
<i>Зависть</i>	152
<i>Интуиция</i>	155
<i>Любознательность и Любопытство</i>	156
<i>Надежда</i>	160
<i>Обида</i>	166
<i>Самоуничижение</i>	169
<i>Страсть</i>	172
<i>Страх</i>	173
<i>Уныние.</i>	176
Отчего так человек устроен	181
Об авторе	182

Всем моим друзьям посвящается

МОЛИТВЕННОЕ СЛОВО

Молитва Творцу

Отец наш, Всемогущий в Небесах,
Прости нам суету, несовершенство наше.
Твои неведомы нам помыслы о нас.
По заповедям прожит день вчерашний?
Дай знать, что есть добро для нас, что – зло,
Твои намерения помоги увидеть,
Чтобы в себе, вокруг было светло.
Не дай, Господь, кого-нибудь обидеть!

Чтоб не растрачиваться на сиюминутное,
Достойными быть помощи Твоей,
Для лжи и гнева будем недоступными,
Откажемся судить других людей.
Ты помоги творить нам Твою Волю,
По предначертанному следуя пути,
Тобою посланное принимать с любовью
И с благодарностью самим любовь дарить.

Молитва Святому Духу

Отец Небесный, Дух Святой!
Наполнен целый мир Тобой.
Источник всякого добра,
Ты – сила, что нам жизнь дала.
Приди, вселись, очисти меня
От духа скверны навсегда.
Свет Истины во тьме открой,
Дай в суете познать покой.
Ты душу ото зла спаси
И в жизни новой воскреси!
Слава Тебе!

Молитва Ангелу-Хранителю

Ангел мой, Хранитель,
Божий Покровитель,
Ты к душе приставлен,
От беды храня.
Перед искусителем
За невоздержание
Душу согрешившую
Упаси от зла.
Крепко возьми за руку
И на путь спасения
Выведи, мой Ангел,
К Нашему Отцу.
Суегу и слабости,
Страхи и сомнения –
Всё, чем оскорбила,
Позабить прошу.
Если согрешила я
В эту ночь прошедшую,
Помоги защитой
Предстоящим днём,
Искушенья вражьего
Дай избежать с Верою,
Упаси, чтоб Господа
Не гневить грехом.
Мне с Твоею помощью
Жизнь вести достойную
Заповедал Отче наш
До скончанья лет.
Ангел, Покровитель мой,
Ты молитвословием
Бога проси милости:
Даровать нам Свет!

Молитва иконе Богоматери «Утоли моя печали»

Мати Богородица, мое утешение,
Не гнушайся грешного, милость прояви:
Пламени нечистого сделай угашение
И мое иссохшее сердце ороси,
От греховных помыслов разум мой очисти.
С трепетом смиренно приношу мольбу
От любви и сердца –
Заступись, Владычица,
Обо мне ходатайствуй к Сыну Своему,

Гнев Господний праведный укроти молитвами,
Исцели болезни тела и души,
Утиши нападки вражьи и обиды,
Бремя грехов тяжкое у меня сними.
Не оставь погибнуть, Дева Пресвятая,
Сердце, сокрушённое скорбью, утеши.
Славлю до последнего своего дыхания
Мати Милосердную, Заступницу души.

Мольба

Отче Наш, нашей жизни Даритель,
Я с любовью взываю к Тебе.
Душам всем заплутавшим Спаситель,
Пред Тобою склоняюсь в мольбе.
За сомнения, страхи я каюсь.
Значит, Вера не так уж крепка.
За досаду, когда раздражаюсь,
Тишину и покой расплескав.
За случайно неверное слово,
Что поранить кого-то смогло,

За упрямство, гордыню, суровость,
За неделанное добро.
Помоги избежать зла и лиха,
Своеволья неправедный путь.
Сердца боль, гнев, обиды утихли –
Им заменю светлая грусть.
Ты позволь за грехи повиниться,
Чтобы светом наполниться новым,
Чтобы дух мой свободною птицей
Был всегда в Небеса взмыть готовый!

Молитва девицы о честном супружестве

О, Господи наш Всеблагой, молю:
Ты управляй же Сам моей душою.
Я Волю исполнять хочу Твою,
Избави от гордыни, дай покоя.
И целомудрие, и скромность красят нас,
А праздность порождает лишь пороки.
Благослови труды мои сейчас,
Не дай сойти мне с праведной дороги.
Ты сам сказал: негоже одному
Быть человеку. – И жену ты создал,
Благословил на жизнь, детей, семью
И мир земной своим твореньям отдал.
Лишь честное супружество в ладу.
И угождать не должно вождельню
Веди меня достойной к Алтарю
Для исполнения предназначенья.
Услышь смиренную мою мольбу,
Зов трепетного девичьего сердца:
Благочестивого супруга дай в судьбу, □
В любви-согласье Бога славить вместе.

Молитва за дочь

Отец – Вселенной Вседержитель,
Источник Света и Добра,
От тьмы бегущих душ Спаситель,
С Любовью во главу угла.
Мою смиренную молитву
За дочь кладу к стопам Твоим.
Прошу ей помощь и защиту,
Поддержку всем делам благим.

Очисти разум от сомнений,
Ненужных мыслей, суеты,
Гордыни, эгоизма, лени
И от соблазнов защити.
Убереги от зла и лиха,
Неправедных трудов наград,
Пусть своенравие утихнет
И в жизни не чинит преград.

Прости ошибки своеволья,
За глупость, дерзость не взыщи.
И огради её любовью,
Учителя ей в жизнь пошли.
Руководи в поступках, мыслях,
Наставь и в вере укрепи,
На путь духовный ныне, присно
Моё дитя благослови.

Отче, от сердца молитву творю,
Помощь для дочери в жизни молю,
Чтоб избежала греха своеволия,
И принимала лишь Волю Твою.

Молитва Св. Пантелеймону-Целителю

Помоги, святой Целитель-Праведник,
Исцелиться от болезни тягостной,
Захватившей тело, душу ранившей,
В одночасье сделав жизнь безрадостной.
От надменности, гневливости страдания.
Так легко влечёт к благам мирским пристрастность
Где уж вспомнить о молитве воздаяния,
Как переченье в себе таит опасность.
Невоздержанность. Забыты прегрешенья.
Цепко держат сластолюбие, гордыня.
Неразумность и поспешные сужденья
Перечёркивают действия благие.

И болит потом язык от пустословья.
Болят уши из-за слушанья злоречий.
Болят очи от возренья на греховное.
Больно разуму в тисках противоречий.
Болит воля, отвращённая от благодати
И к делам богопротивным устремлённая.
Злая память, оскверняя жизни радости,
Тяжко мучится с грехами утаёнными.
Немощна душа в своей обители.
В покаянии прошу об исцелении.
Святой мученик Пантелеймон-Целитель,
Милосердем помоги выздороветь.

Окаянство помоги, молю, очистить
В каждой клетке страждущего тела,
Благодатью исцели к дальнейшей жизни,
Чтобы вновь душа от счастья гимны пела.

Молитва о примирении

Т.И.

Отец, услышь мою молитву,
Души растерянной посыл.
Гордыне проиграла битву,
Забравшую так много сил.
Ты помоги прийти к смиренью
И боли в сердце утиши,
Убереги от язв сомнений,
Обид кострище потуши.
Верни с ребёнком мне общенье,
Все баррикады разбери.
Даруй увидеть отраженье
В его глазах моей любви.
Прости огрехи в воспитанье,
Нотаций строгость, суету,
Ведь я растила со стараньем,
По разуменью своему.

В стремлении во всем участья
Ошибок виден результат:
Питать должна была я счастьем,
А не *как надо* вразумлять.
Ребёнок чёрствый – мать виною,
Не пролилась любви дождем.
И эхом действие такое
Слезой аукнется потом.

Не лёгок путь наш к пониманью:
Эмоций выплеск за пустяк.
По обе стороны страданье.
Дай шанс – навстречу сделать шаг.

Молитва о братстве

Всемогущий Творец, Светоч Мира единственный,
Твоих чад неразумных наставь на путь истинный.
Мрак безумья отчётливо виден в зарницах,
Когда ярче костров полыхают амбиции.

Рушат мир, проявляя своё недовольство,
Внося смуту, раздор и террор беспокойства.
Разум в жёстких тисках и пленён своеволием,
Одурманен страстями и вседозволием.

Презрев заповедь чистой любви бескорыстной,
Брат на брата идёт в оголтелом неистовстве.
Люди стали на горло свободе и счастью.
Вразуми, Милосердный, погасить эти распри.
Не уснули чтоб души вовек беспробудно,
Отче Наш, помоги им услышать друг друга!

Господь, прости Души забавы

Господь, прости Души забавы:
Лукавство, суетность, душевность,
В поступках мнить себя лишь правой,
В работе над собою леность,
Боязнь размаха крыльев Духа,
Влекущего от тени к свету,
Подсказки слушая вполуха,
Не даст сомненьям кануть в Лету.
Чтоб не замешкалось взросленье
Души средь грёз в болоте тихом,
Ты укажи ей путь к спасенью:
Всей жизни смысл – партнёрство с Духом!

Поводыри фантазии – мечты.
Соблазнам эго просто увести.
Свершится пусть не как того желаю,
Но только как, Господь, желаешь Ты!

Сотвори во мне сердце чистое,
Дай избегнуть деянье корыстное.
Отче наш, Милосердный, Спаситель!
Вразуми не сойти с пути истины.

Господь, дай мне лишь то, что заслужила,
Каких бы благ желанных ни просила,
Претензиям бессмысленным не внемли,
Пока в смиренье не пройду горнила.

Рано ль поздно придем к неизбежному:
Отвечать за деянья поспешные,
За гордыню, сужденье других, суету.
Боже, милостив буди мне грешному!

Азбука Любомудрия

Ад и рай в себе

Как много всюду разных мест,
Какие там красоты есть
И чудеса... – но нас там нет!
Судьбой поделен белый свет.
Там, где мы есть – уже привычно,
Во всех других – так романтично...
И будни красит оптимизм –
Искать места, где сказкой жизнь.
Мечта, иллюзия, мираж –
Там хорошо, а не у нас!

А может, всё гораздо проще,
Напрасно на судьбу мы ропщем?
Ведь получается, что мы
Привносим хаоса следы:
Где благодать была всегда,
Проникнет с нами суета.
О чём тогда Фортуны просим?
Ведь рай и ад в себе мы носим!

Бессонница

Объявилась в гостях бессонница –
Мысли словно на мёд слетаются.
И сомнения хороводятся,
И глаза всю ночь не смыкаются.
Вновь всплывают события давние.
Мне-то думалось – в Лету канули,
Коль смогла я поверить тщеславию,
Что с проблемами всеми справилась.
Но слова, что не сказаны, мучают

И слепили стену отчуждения.
А судьба не представила случая
Обрести покаяньем прощения.
Благодарна учителю – памяти:
Каждый грех для раскаянья вспомнится.
Часы ночи так медленно тянутся.
Для гордыни лекарство – бессонница.

Череда из вёсен шлейфом за спиною.
Чехарда из мыслей не даёт покоя.
Киноленту жизни крутит нам бессонница,
Ностальгией мучит, мирит нас с судьбою.

Бесплатно

Чего греха таить – приятно,
Когда даётся вдруг *бесплатно*:
Бесплатно что-то посетить,
Сюрпризом что-то получить.
Услуги нравятся без платы.
Как дети все поблажкам рады.
Но как забыть ума наводку:
«Бесплатный сыр – путь в мышеловку!»?
Пока не вникнем в слова суть,
Тяжёлым будет жизни путь.
Пускай же станет всем известно:
Бесплатно – плату нести бесу.
В неведение не стоит жить –
Ведь бес заставит заплатить.

Но как ловушки избежать? –
Давайте *даром* принимать.

Дар – как награда иль аванс
За всё, что лучшее есть в нас.

Вера

Время Новое открыло людям Веру.
Устремились с жаждой люди в Храм.
Их желанье – благодать изведать –
Направляет по святым местам.
Всенощные, требы и обедни,
И в молитвах к Господу часы;
Много ищут в Библии ответов –
Как достойно свою жизнь прожить.

Любят, верят искренне и славят
Силу и Могущество Отца,
Невдомёк самим – как поступают,
Часто богоборчество творят:
В осужденье всё, что не по нраву,
Обстоятельств жизни неприятье,
Неумень быть довольным малым,
Разделять успех другого, счастье.

Быть неблагодарными – преступно.
От борьбы душе дадим спасенье.
Наш Творец, прости гордыни глупость,
Мудрости даруй всем постиженья!

Вера в душе есть наличие света,
Радость познания, жизнь по заветам.
Если желать совершения чуда –
Значит ещё далеко до рассвета.

Вера, Надежда, Любовь

Вера – свет, направляющий к Творцу.

Вера для разума – спектр от до-верия до самоуверенности.

Вера для души – свет во всех её закоулках.

Вера для духа – свет, проявляющий Божественное.

Надежда – это спасательный круг на волнах жизни.

Надежда на себя – подобно барону Мюнхгаузену тащить
себя за волосы.

Надежда на других – плечо друга, чувство локтя.

Надежда на Создателя – находиться в Со-Бытии с Богом.

Любовь – проявление Божественного.

Любовь к себе – проявление и познание собственной Сути.

Любовь к другим – в каждом видеть Бога.

Любовь к Творцу – проявленная сила Премудрости.

Воскрешение

Христос – Сын Божий послан был на землю

Раскрыть сердца людей для Бога.

Иерусалим восторженно встречал Мессию,

Стекавшимся на праздник Пасхи, людом.

Только священники в Иисусе угрозу углядели.

Они за выдачу Его серебром Иуде заплатили,

Спасая свои догмы солдатами Пилата.

Вечеря тайная в кругу учеников Заветом стала.

Осознан путь – смиренно Чашу Творца принять.

Страданий полотно уж до креста размотано.

Кому-то уготовано за грешный мир страдать.

Распяты два злодея рядом с крестом Мессии.

Едва дыша, один глумился, как толпа:

С оиди с креста, коль Бога ты – посланник.
Е сли спасешь себя – уверуем в тебя!

В ина Голгофы стала всенародной –
О смеян и поруган пастырь был.
И в гневе от людского произвола
С вой взор, скорбя, Бог тьмой от них сокрыл.
Т олпа была невежественна, злобна.
И всё ж любовью полон был Иисус:
Н е ведая, творят. Прости им Боже!
Ушел к Отцу, земной закончив путь.

В еликим чудом стало Воскрешенье!
О н обещал ученикам вернуться
С видетельствовать им о жизни вечной,
К репя их веру, на апостольство подвигнуть.
Р аспятым указал спасения дорогу.
Е диным Сын с Отцом и Духом стал
С пасителем, принесшим миру Веру.
Е го приходом – *наша эра* началась.

Воскрешение Лазаря

Иисус, однажды посетив друзей,
Застал их дом в большой печали, скорби.
Хозяин Лазарь мир покинул сей –
Нежданно прерван путь земной недолгий.

Четырехдневный траур об усопшем
Сменил надежды, веру в исцеленье,
Когда Иисус, к Творцу мольбу вознёсший,
Свершил неслыханное – воскрешение!

Пути Господни неисповедимы.
И если нужно в вере укрепить,
Явит Он чудо фразою единой:
«Восстань из мёртвых, Лазарь, выходи!»

Воспитание. Дети

Ребёнок растёт и познаёт мир. В палитре красок его детского мира ещё много яркой радуги и солнца вопреки окружающим вроде бы безобидным динозаврикам или квадратно-треугольным уродцам из детских сериалов. Но навязываемая социумом серость проштампованных как груз-багаж или специально небрежных жёвано-мятых, потёртых и даже с дырами одежд уже переползает из мира взрослых, чьё бездумное стремление одеть ребенка в такую модную одежду отдаёт неискущённого малыша во власть определённым силам, для которых сами давно стали желанным материалом. Только искажённое восприятие мира находит забавным россыпь черепов и костей на одежде, белье, аксессуарах. Украшенные стразами, они привлекают внимание не только пубертатных подростков, но и тех родителей, так и не доросших до мудрости.

Откуда им знать, что изображение черепов – одна из перспектив грядущего бесплодия, медитация на смерть. Когда у взрослых искажено восприятие, надеяться на их логику смешно и абсурдно. Они ведь уже стали материалом для определенных сил. Творец всем дал право выбора. Но когда выбор делают за детей, родительским авторитетом уводя за собой в свой искорёженный мир, это даже не предупреждающий колокольчик – это набат всему разумному.

А какой всё больший урожай поклонников собирает на взгляд многих забавный и безобидный праздник Хэллоуин, тотально заполняющий витрины магазинов, жилища, да и

пространство жизни всякой нечистью: вампирами, ведьмами, скелетами, летучими мышами, пауками и прочим. Главная-то цель вакханалии – запечатлеть испуг в душе ребенка. А уж потом к ним подтянутся страх и сумятица, деформируя радость восприятия чистоты и красоты, чтобы в дальнейшем легко им манипулировать. Так всё чаще и чаще дети оказываются материалом ситуаций множющихся амок-лауфенов (Amoklaufen) на школьных дворах, детских площадках, лагерях.

Давно уже окнами в мир для ребёнка стали телевизор, андроид-планшет, компьютер, смартфон. Поначалу забота родителей – радовать малыша мультфильмами в познавательных целях. Кто дальше особо задумывались, какими фильмами заполняют мир ребёнка, давая себе возможность заниматься своими делами, не отвлекаясь на многочисленные детские «что», «как» и «почему». Вот и становятся спутниками детей трансформеры с постоянной агрессией на лицах, семейство квадратных уродцев – мочалок, либо герои с треугольными или шарообразными головами, или те, у кого и глаз-то не пара, либо огромные застывшие или искажённые фары, в которых гнездится ужас. Впрочем, и безобидные диснеевские Том и Джерри ведь тоже учат действиям исподтишка, провокациям, обману, играм на нервах, лицемерию, назло досадить или сделать больно другому.

Нелегко приходится детям в раздираемом противоречиями мире. С одной стороны с детского садика прививают уважение к любой форме жизни: не убей букашку, не раздави жука, а с другой – льющаяся с экранов, от игрушек агрессия: ударь, убей, победи. Социум пытается формировать отношение к задачам экологии и замусоривает ненужными символами пространство жизни через игрушки, игры, фильмы.

В детских магазинах, как впрочем, и во многих других тотальное засилье юго-восточно-азиатских игрушек с лицами либо вообще закрытыми масками, либо злобные и летающие монстры. Европейцы со своей толерантностью, любопытством к иным культурам, давно стали заложниками определённых сил этих культур. Сами, правда, тоже внести свой вклад: подняв на волну устрашающих викингов или пиратов с их веселым Роджером – пиратским чёрным флагом с черепом. Уже редко встретишь благородного рыцаря или воина, а уж побеждающего дракона Георгия-Победоносца – почти нереально.

Навязывается не игрушка, а ментальность, стиль жизни, иные ценности. Динозавры в количественном отношении давно оттеснили других привычных для детворы зверушек. Матрёшки – те давно стали карикатурами на политиков. С какой целью создаются игрушечные экскременты, отвратные насекомые и гады, части тела человека, эмбрионы? Они поначалу вызывают шок, страх, но потом подогревают любопытство. Родители, которые не видят в подобных игрушках угрозу миру растущего ребёнка, вряд ли задумываются: каким силам это на руку? Из детей делать маленьких монстров, не просто непослушных, а бесчувственных, агрессивных, очень легко способных доводить тех же родителей до белого каления.

Какими формами и символикой заполняется пространство обитания, такие же образы впитывает душа. Поэтому чаще всего люди замечают и выбирают то, что подобно их внутреннему содержанию. Искажение восприятия мира навязывается и успешно одним поколением другому. Нынешнее искажение в искусстве, мыслях, обществе отражает символику покорёженных душ. Сознательно, целенаправленно подменяют мировоззрение, чтобы сызмальства

символический язык души отражал чуждые принципы. Исчезает красота и способность любования ею.

Как защитить раскрас будущего у мира детства? Зависит от нас с вами. Только уклад дома и мировоззрение родных смогут оказаться тем крепким тылом, который надёжно защитит психику ребенка от лавины искушений, поможет сформировать его отношение к жизни. Именно семья призвана закладывать основание для роста ребёнка не только физического, но и духовного. И необходимыми условиями для такого роста, как и вообще для всего живого, являются свет, солнце. Значит, нужно внести как можно больше света и ярких красок в жизнь ребёнка, да и свою жизнь. Только прежде нужно заняться собственным внутренним миром, привести его в гармонию, потому как от его состояния зависит качество жизни, душевное здоровье.

Бытие детей всегда страдает в искажённом бытии родителей. Человек, выбирающий одежду заведомо мятую и рваную по нынешней моде, вряд ли может с любовью приласкать, погладить ребенка. А ведь глажение – одно из действий, которое может помочь привести в гармонию внутреннее состояние самого человека, привести к ладу – миру и порядку. Гармоничные отношения в семье, забота, взаимопонимание, любовь не позволят ребёнку расти чёрствым, бездушным и злым. Воспитывают не примерами и назиданиями, а питают тем, чем владеют сами – светлым состоянием любви, радостью и благодарностью, ладом с самим собой. Нужно помогать детям видеть красоту, любоваться ею, питать вибрациями лёгкости и чистоты. Одевать в одежды светлые по цветовой гамме и символике. Делать их жизненное пространство максимально просторным, светлым и лёгким, без чуждых символов, не заваленным игрушками, вещами. От того, каким образом будет

у ребёнка сформировано отношение к жизни, зависит его душевное благополучие, будущее.

Современное цивилизованное общество как-то всё меньше хочется называть культурным. Эти понятия совсем не синонимы. Некогда предложенное философом Адамом Фергюсоном понятие «цивилизация» отражало одну из стадий мировой истории (дикость – варварство – цивилизация). Цивилизация успешно преобразует условия обитания в нашем мире. Так почему ныне случается откат к варварству и даже дикости, а блага цивилизации могут иметь сильные противоречия с культурой?

Культура подразумевает развитие души и её качеств, а развитие цивилизации – это создание условий только для тела. Кому это выгодно, чтобы люди именно в последнем видели смысл жизни? Тогда понимание о том, что культура есть культ света, можно увести и в тень. Разумеется, нет идеального общества. И людей делают потребителями рекламных стереотипов, чтобы они забыли, что возможно изменить свою жизнь, когда станет понятно, что в неё впускают. Нужно быть осмотрительными. Очень важно, чтобы все мы не погружались в дремоту и спячку теми, кто рассказывает наш общий корабль человеческой цивилизации. Жизнь должна быть светлой, в радости!

Воспитание – задача не из лёгких.

Нет нужды всегда держаться правил жёстких.

Ведь питаем только тем, что есть в самих же,

Исполнением всех заповедей чётким.

Растить детей судьбой даются нам возможности.
Поможет мудрость защитить их от оплошности
Не от соблазнов пагубных беречь – а прививать
Противоядье к восприятью зла и пошлости.

Материнская защита

Мама для ребёнка – это целый мир.
Без её улыбки свет уныл и сир.
Ласка и забота – стены теплоты.
Нет щита надёжней – мамы доброты.
Ушибёшь коленку – окунёшься в плач.
Мама поцелует – скачешь вновь как мяч.
В сумерках мерещится кто-то по углам,
Мама засмеётся – станет пусто там.
И любимый голос нежно вводит в сон, –
Ты от всяких страхов крепко защищён.

Подрастая, новый открываешь мир.
Мама всегда рядом, за плечом твоим.
Разные искусства в жизни стерегут,
Но молитвы мамы силы сберегут.
Будет много разных пройдено дорог.
Мамы место в сердце, где любовь живёт.
Все мы в жизни дети и к Отцу в пути
С маминой молитвой: "Сохрани! Спаси!.."

Страстей, греха, искуса много в мире.
Чтобы они детей не соблазнили –
Питать их души чистотой и верой,
Чтоб неприятье зла в себе хранили.

Сейчас образование есть усвоение знаний,
Процесс, плод просвещения, к наследию внимание.
По образу Господнему образовать подобие –
Лишь в этом изначально вся суть образования.

У матери инстинкт укрыть ребёнка,
Любовь, благословение слать вдогонку.
Усердная опека – плен, погибель,
От жизни прятать, подстелив соломку.

Нелегко быть рядом с нами ближним,
Если им мы посвящаем жизни.
Ведь не эгоизм приносим в жертву –
Мы творим кумиров пред Всевышним.

Как торопимся вырасти быстро из детства,
В жизни взрослой занять надлежащее место,
Жаждем славы, признания и благополучья,
«Быть как дети!» – завет, посчитав неуместным.

Как дети быть – жить в ощущениях радости,
События в жизни принимать как сладости.
Ведь сохранить в душе свет, веру, чистоту –
Завет Иисуса, постижение благодати.

Будьте как дети...

Большой имеем за плечами опыт,
Накопленные знания, успехи.
Да только оседлали нас заботы,
Характер обкатали жизни вехи.
Боязнь попасть в смешное положенье,
Гордыни рабство чувства притупили.
Привычно облачившись в самомненье,
Дорогу в детство даже в снах забыли.
И снег, и солнце стали лишь погодой.
Поступков без корысти сыщешь редко.
Сомненья управляются тревогой.
И каждый заперт в собственную клетку.

А у ребёнка – в ощущениях радость,
Чужой ему рассудочный искус –
Лишь чистота души, желаний, благодать.
«Как дети будьте!» – завещал Иисус.

Время

Для человека быстротечно Время...
Калейдоскоп сезонов в шлейфе лет
Уносится к мерцающим созвездьям.
Штрихами времени в пространстве
Для нас стремительный полёт стрижей.
В лазоревой дали осталось детство,
В чьи краски юностью добавлен свет любви.
Её поступки, шалости, огрехи
Ещё не в счёт, предъявленный к оплате –
Возможность опыта. Открыт кредит ошибок.
А следом зрелости спешит черёд:

Экзамены, уроки школы жизни,
Где чувства, суета, желанья –
Сродни по полю минному движенью.
Там одинаков спрос за действия и мысли.
Незнание правил не сулит поблажек.
Лишь благодарность, как спасенья круг,
Творцу за счастье жизни, силу веры,
Открывшему Путь воспаренья Духу
Туда, где радость, где весна, где свет!

Грехи

Про шесть врагов известно нам из Вед.
Гордыня, зависть, эгоизм и гнев,
Иллюзия и вождельенье вместе
Способны принести немало бед!

7 смертных грехов

Их называют смертными грехами:
Гнев и гордыню, алчность, зависть, блуд,
Тревоугодие, уныние – семь главных,
Что дружно душу к гибели ведут.
Лукавит, кто за шалость почитает,
Как слабости спешит простить себе,
Беспечно заповеди Бога нарушает,
Лишая дара помощи в судьбе.

Грех – беззаконие. Он рушит смысл жизни:
Все созданы подобием Творцу.
Как самого себя должны любить мы ближних.
Дух не ведом страстями под узду.

Блуд для верности есть поругание,
Настоящей любви отрицание.
Похоть, страсть с вожделением в сговоре,
Лишь в усладу желанью старание.

Блуд не может быть грехом невольным.
Он – ни гнев внезапный, ни злословье.
Блуд имеет для раздумий время –
Грех осознанный и своевольный.

Гнева действие как наваждение –
Безудержно эмоций кипение –
В отношениях рушит гармонию.
Нет спокойствия, нет и спасения.

Когда в горле вдруг встанет комок раздраженья,
Гнев, злословие – будет плохое решенье.
Всё разрушить легко, след на долгие годы.
От гневливости к мудрости – шаг во спасение.

Неправильных поступков рядом много.
Их осудить пытаемся мы строго.
Возмущены порой до глубины души -
От истины далёк **гнев благородный**.

Легко вспылить, и нет контроля фразам –
От жара *гнева* не остынешь сразу.
Желанья нет заметить боль другого –
Надменный лик *гордыни* безобразен.

Коль *гордыня* в тебе свой светильник зажгла,
От надменности кругом пошла голова,
Самомнение в огонь тот добавило масла,
Значит – светом в тебе притворяется тьма.

Для событий жизни осмысленья
Научитесь мудрому терпенью.
Трезвое же виденье себя
Станет для *гордыни* усмиреньем.

При *гордыне* душа и слепа, и глуха,
Безразлична, на добрые чувства скупа,
В одиночестве стылом не видит просвета –
Сама в жёсткие рамки себя загнала.

Когда все правы – поле для раздоров.
Гордыня щедро раздает укоры.
И кто своей вины ни в чём не видит,
Тот мудрости зерно взрастит нескоро.

Мы каждый со своею колокольной,
Где рассуждать, судить-рядить привольно.
С большой *гордыней* и постройка выше,
А стало быть – и падать будет больно.

Коль довелось в другой среде нам жить,
Не будем с осуждением спешить
Менталитета, правил и привычек.
Гордыне радость – лишний раз судить.

Для гордеца принять труднее, чем давать –
Как будет превосходство ощущать,
Коль нужно быть кому-то благодарным?
Мудрец, кто смог *гордыню* обуздать.

У гордыни жёсткий позвоночник.
Эгоизма пути держат прочно.
Так песок себя мнит Времени творцом,
Устремляясь вниз в часах песочных.

Боязнь попасть в смешное положенье
Все чувства препарирует сомненьем.
Гордыне легче обуздать рассудок,
Чем допустить намёк на униженье.

Проверка на «медные трубы»,
Пожалуй, труднее всех будет:
С *гордынею* сладить не просто –
Она обо всём сама судит!

Бывает порой очень трудно
Принять происшедшее мудро.
Эмоции, глупость, *гордыня*
Ведут мимо гавани судно.

Голос интуиции не слышим,
Уповаем на поддержку свыше,
На «авось», «небось», «кривая вывезет».
Духа знания для *гордыни* лишни.

Нам неудобно ответить отказом,
Нужный совет уподобить наказу,
От потребления спасти своё время...
Действо *гордыни* увидишь не сразу.

Не случилось ли так, что в ответ на добро
Вы в большом изумленье встречаете зло?
Милосердьем прикинулась ваша *гордыня*.
С ней причину в себе отыскать нелегко.

Кто в круге нерадости раб самомненья,
Закрит, недоверчив, угрюм, в раздраженьи –
В плену у *гордыни*, любви сторонится.
Рождается радость как благодаренье!

Многословье – тоже лик *гордыни*,
Словесами грузит всех пустыми
И владеть своим считает правом
Временем, вниманием чужими.

Грубость – это пёс цепной *гордыни*.
Такта, уваженья нет в помине.
С привязи срывается внезапно,
Если чем-то уязвлён другими.

Ревность раной зияет открытой.
И *гордыней* отравы испита
Из обиды и жажды отмщенья.
А любовь, радость жизни забыты!

Жалость – чувство *гордыни* коварное.
В корне слова подсказка есть главная:
В обе стороны *жалит* «участие».
Так ли в помыслах все благодарные?

С Иронией-наперсницей *Гордыня*
Легко чужой мечте ломают крылья.
Сарказм царит, где места нет Любви.
И там Добро пред злом – увы! – бессильно.

Обида не бывает без *гордыни*,
В ней свет и радость не найти в помине.
Незримо сила вредная терзает –
От Бога человек далёк отныне.

Обида притворяется подругой,
Для эгоизма верною прислужгой,
С *гордыней* рука об руку идёт.
Гасить любовь в душе – её заслуга.

Почему к оппонентам своим нетерпимы?
Нет в душе доброты – потому уязвимы.
Нас коробит от реплик в пику нашим суждениям.
Раздраженье с гордыней в союзе едины.

Раздражение – путь к богоборчеству.
Обуздать эгоизм свой не хочется,
Принимать всё как есть - не по нраву.
В отрицании – путь к одиночеству.

Зависть – словно иголка колючая.
Жабой душит желание лучшего.
Ни за что не познать благодати,
Коль к чужому досада липучая.

Греховна **зависть** – каждому известно.
Но и **гордыни** вклад имеет место:
Ведь кто кичится счастьем и богатством,
Тому и зависть раздражённых лестна.

Злословие такой же тяжкий грех
Как и гордыня, судит обо всех.
В нём скрыты *зависть, раздражение, гнев.*
Бельмом в глазу сидит чужой успех.

Недовольство

Быть недовольным в жизни – наказание.
Всё просто: это зависть, эгоизм.
Тебя не оценили? Нет признанья?
И больше благ другому пролились?
Вот только если доверяешь Богу,
Тогда приемлешь все Его Дары:
Он пожурит, коль надо будет, строго,
И вознесёт, коль надо, до горы.
Зачем судить, кто помощи достоин?
Ответ мы держим только за себя.
Содеял – получи без прекословья! –
И мир в душе наградой для тебя.

Нетерпение – враг воздержания,
Ташит на поводу у желания.
Неумеренность в чувствах, общеньях, еде –
И беспечность готовит страдания.

Есть недруг хитрый и коварный – **праздность** –
Сулит веселье и безделья сладость
За плату лишь души беспечной вечность,
Забывшей в неге от работы радость.

Своеволие

Как радует проснуться в новом дне,
Увидеть небо в тучах или ясным,
Поймать улыбку в городской толпе,
Принять подарком мир Творца прекрасный.

Ты равнодушен, словно жил сто лет,
И удивить тебя не в силах белый свет!

Есть знаковых немало в жизни встреч:
Не друг, не враг – он только лишь Учитель,
Поможет правильный урок извлечь.
Кто мудр, того всегда ведёт Спаситель!

Ты недоверчив, от людей закрыт
И прячешь душу в недоступный скит.

Отцом дан выбор. **Своеволие** твоё
Тебя же и в заложники взяло!

Кого на путь прямой захочет Бог поставить,
Того к покорности он сердце открывает.
Смиреномудрие – залог счастливой жизни,
А *своеволие* прийти к нему мешает.

Страх внезапный, колючий, липучий
Гасит радости солнечный лучик.
Подавляет он волю, надежду.
Цепко держит вас в куцах дремучих.

Страх крадет наши силы жизненные –
Жизнерадостность меркнет обижено,
В пятках ищет душа пристанища,
Мудрость трусостью нашей унижена.

Суждение

Впасть легко нам в грех сужденья,
Ведь немало лет прожили.
Как лукаво самомнение:
Дать оценку нам по силам!
И в чужом глазу соринку
Углядеть не трудно вовсе.
Замечаньем как дубинкой
Припечатаем, не спросим.

Мы в гордыне непомерной
Так несправедливы к людям.
Боже, дай избежать скверны,
Ведь и мы судимы будем!

У каждого *суждения* есть правда.
На мнение свое имеем право.
Вот только истина бывает лишь одна,
И мудрость это почитает главным.

Осужденье мешает общению.
Толерантность – *гордыни* смирение.
Как непросто понять нам друг друга,
Если нет ни любви, ни терпения.

Мненья на события у каждого.
Режем по живому так отважно мы.
В дружбах, семьях строим баррикады.
Верх берут лукавый, бесы вражки...

Кажется, так трудно не судить другого,
У себя под носом не узреть большого.
Только беспристрастным быть к себе труднее:
Оправдания слабостям не дадут покоя.

В суждениях опрометчиво спешить.
И недовольством просто согрешить.
Претензии же – неприятье жизни,
Ведут к *унынию* – спячке у души.

Триумф *тщеславия* – достойным мнить себя
Любви, признанья и благополучия,
Прощать себе, а не другим ошибки,
Быть убеждённым в правоте своей всегда.

Желанье славы – суетность души.
Забвенье, одиночество страшит.
А на миру и смерть красна *гордыне* –
Бездумное *тщеславие* смешит.

Тщеславие – наперсница *гордыни*,
Считает свои действия благими.
И трепетное ожиданье славы –
Быть непременно признанным другими.

Раздражение – путь к богоборчеству.
Обуздать эгоизм свой не хочется,
Принимать всё как есть – не по нраву.
В отрицании – путь к одиночеству.

Чревоугодые – рабство, похоть чрева,
И глас рассудка слышится несмело,
Когда главенство в жизни у желудка.
Погибель духа – пресыщенье тела.

Рано ль поздно придём к неизбежному:
Отвечать за деянья поспешные,
За гордыню, сужденье других, суету.
Боже, милостив буди мне грешному!

Как ни были в жизни деянья плохи,
Господь не карает людей за грехи.
Ведь грех-то, по сути, себя наказание –
И жизни не ценим, к заветам глухи.

Добро и зло

Добро и зло для нас – две крайних силы.
Где больше довелось вложить усилий –
Победа там. Роптать на выбор поздно –
Ведь по подобию всё то, что заслужили.

Всегда что в жизни доброе бывает –
Оно от Бога, радость прибавляет.
А если зло в твоей возникнет жизни –
Оно лишь от тебя проистекает!

Мы сердцем ликуем, добро сотворив.
В надежде, что это зачтётся в актив.
Но было ль смиренье в поступке свершённом?
Ведь Господу важно, каким был мотив!

Добродетели

Добродетель – украшение характера,
Если заповедям следовать старательно.
Тогда мудрость, *справедливость* и *умеренность* –
Ежедневная души разумной практика.

Разум – добродетелей источник.
Он заслон искусам ставит прочный
И доносит нам подсказки духа,
Чтоб во благо следовали точно.

Кто спокойно переносит оскорбления,
Не злобив и не кипит от возмущения,
Тот имеет мягкий нрав, но твёрдость духа.
Эта *кротость* – добродетель всепрощения.

Верность – твёрдость, надёжность и жертвенность –
Добавляет в союзе уверенность.
Не случайно судьбою повязаны –
За любимых несём мы ответственность.

Эту истину знать без сомнения:
Чистота важна, *кротость*, *смирение*.
Если в жизни проявит их женщина,
Ей дано будет благословение!

Быть кротким – не манера поведения,
Не внешне мягкость нрава проявление,
А состояние и сердца, и ума.
Плод кротости – величье, без сомнения!

Если отсутствуют гнев, раздражение,
К миру всегда благорасположение,
Доброжелательность и сострадание –
Богоугодно такое **смирение**.

Смиренье – это в мире быть с собой,
Желанье сохранить души покой,
Безропотно переносить печали,
Всегда на позитивное настрой.

Трудно в наше время обладать **смиреньем**,
На долги, обиды отвечать прощеньем,
Не давать поводья в руки эгоизму
И свою гордыню наказать забвеньем!

Неверно, что **смиренье** – униженье,
Защиты вашей чести нарушенье,
Когда гнетёт чувство вины безмерно.
Суть в том – добром зло победить стремленье!

Кого на путь прямой захочет Бог поставить
Того к покорности он сердце открывает.
Смиреномудрие – залог счастливой жизни,
А своеволие прийти к нему мешает.

Есть ещё добродетель – **терпение**:
Скорби, тягот перенесение,
Чтоб без ропота на обстоятельства
Со спокойствием ждать избавления.

Целомудрие есть нравственная строгость,
Ведь для блуда искушений очень много:
Слов двусмысленность, нескромность, сладострастье.
Коль не будет чистоты, узришь ли Бога?

Благость – истощение ручейка страданий.
Нежность – обуздание пагубных терзаний.
Мудрость – усмирение торжества гордыни.
Радость – покорение суеты желаний.

Доброта – всегда души объятья,
Тайное в судьбе других участие.
Множит радость, благодарность в людях,
Нам Творцом подаренное счастье.

Дружба

Для дружбы настоящей нет преграды,
И друга зов услышать всегда рады.
Он не случаен в жизни – послан Небом _
Что лучше может быть такой награды!

Если с другом в молчанье сидишь просто так,
Стук сердец отбивает гармонии такт –
Знать, условие счастья – присутствие рядом.
Ваша близость духовная – Промысла знак.

Единомыслие – спонтанность схожих мыслей.
Единодушие – без общих чувств немислимо.
Союз духовный есть всегда единомудрие:
Законы жизни соблюдать, творить осмысленно.

У друзей отношения не рвутся
Ведь случайно дружба не даются:
По подобию мысли, сужденья, поступки
Так откуда обиды возьмутся?

Не бывает большего ненастья,
Когда в жизни нет друзей участия.
Лишь когда наш путь в духовной связке
Познаём свободу, цели, счастье.

Душа

Мир Божественный – Свет, бесконечность.
Души помнят приволье, беспечность.
А земная жизнь – следовать Промыслу,
Дать душе возвращение в вечность.

Наступит время – поздно или рано
Душа отыщет путь заветный к храму.
Но суета, сомнения, тревоги
Пытаются преградой быть упрямо.

Трудно жить душе без впечатлений,
Неги, грёз, и сладостных мгновений.
Может их перебирать часами,
Скрывшись от работы в сладкой лени.

Сон для души – это время для странствий
В неограниченном явью пространстве.
Страхи, желания и любопытство
Кружат с душой в упоительном танце.

Беспечны мы, в своих страстях греховны.
Комфорт для жизни – главное условие.
Но как душе открыть дорогу в вечность?
Работа над собою – труд духовный.

Каждый носит в душе или рай, или ад,
Зной безводной пустыни, ухоженный сад.
Говорят – хорошо только там, где нас нет.
Беспокойством души, видно, вносим разлад.

Быть сердцем открытым, любовь в нём храня,
Легко оставаться в течение дня.
Но сумерки душу томят и тревожат –
От тайных моих, Ты, очисти меня!

Не всякий дождь украсит небо радугой.
В каких слезах душе омыться надобно? –
Любви и покаянья, добросердия,
Чтоб радость света в ней осталась надолго.

На кого-то осень мокрой грустью давит,
А кому багрянцем всё богатство дарит.
Если светом полон, делишься любовью,
То в души обители радость Бога славит.

Мытарство душе, коль содеяно зло.
А если не сделано было добро,
Когда в тот момент и возможность была,
Избегнуть страданий душе нелегко.

Непогода

Как свинцом налилось небо низкое
Плачет дождиком, плачет неистово
По ушедшему лету любимому,
Журавлиною стаей покинутому,
Заливает дождём обещания,
Пышных крон с листвой расставания.

Страсть плодами давно проявлена,
И на милость судьбы всё оставлено.
По сезону тоскою печальною
Как волной наплывает отчаяние
До поры, до момента истины...
Не в природе, в душе небо низкое.

Кто-то в осени видит унынье и дождь –
Знать, в душе много слёз накопить удалось.
За стеклом сквозь потоки размытая жизнь...
Свет лампы своей сохранить не пришлось.

Боязнь грядущих в жизни перемен
Не даст душе встать на крыло с колен.
Под гладью вод риск – не узреть болота.
Трясина духу – беспросветный плен.

Копит душа огорченья по жизни,
Носится с ними как с торбою нищий.
Если не видит уроков в событиях –
Ждать пробуждения духа излишне.

Для души нелёгкий труд – прощенье,
Всех обид, претензий отпущенье.
Затопившую сознание горечь
Высуши любовью и смиреньем.

Чувство вины есть греха осознание,
Ведь для гордыни поклон – наказание.
Душу очистить – добавить в мир света.
Благословенно души покаяние!

Души метанья – беспокойство.
Себя замучить – не геройство.
За счастье – храмом стать для Духа,
Раскрыв все истинные свойства.

Дух

Страдает дух в несовершенстве плоти.
Риск, что полёт прервется на излёте.
Болезни добавляют в жизнь унынье.
Собой занявшись, духу шанс даёте.

Духовная прелесть – сладчайший обман.
Гордыня прикроет малейший изъян.
В плену самомнения достоинств не счесть.
Забвенья греховности – духу капкан.

Должно страшить нас более всего –
Без веры жизнь и попустительство
Унынью, ропоту и эгоизму.
Не угашайте духа своего!

Жизни Мозаика

*Мы в этот мир пришли дышать и жить,
Смотреть и слушать, чувствовать, любить,
И верить в неслучайность, понимать:
Что всех важней глагол благодарить!*

День рождения

День Рожденья – дата нашей встречи с Жизнью!
Это двери в *будущее* каждый новый год.
В нашей жизни следует эту суть постигнуть:
Новая задача за порогом ждёт.
Всё, что за плечами – обрётённый опыт:
Познавание жизни, радости от встреч,
Неудачи, горести, глупости как пути
Для того полезны, чтоб урок извлечь!

Нам бояться нечего, что мелькают годы,
Лишь бы остановок не было в Пути.
Ведь даёт Создатель выбора свободу –
Ничему худому не произойти!
Терпеливы будем, честны, благодарны,
Помогая людям радость в жизнь нести.
И с задачей справимся при рожденье данной
С помощью Надежды, Веры и Любви!

Жизнь благосклонна и радость несёт
Тем, кто сомнениям власть не даёт.
Полон любовью, радушием, верой,
Свет излучает все дни напролёт.

В жизни всему своё место и сроки.
Главное – мудро усвоить уроки,
Чтоб в суете, эгоизме, гордыне
Не заплутать как в трёх соснах высоких.

Карта жизни

На нашей карте жизни нет городов случайных:
У каждого задачи, для каждого свой срок.
Здесь – родились, учились, с любовью повстречались.
Тут – к нам пришёл Учитель, а там – открылся Бог!
В одном пробыли долго, в другом – одно мгновенье.
Но каждый словно лоцман, прокладывает путь:
Любить и верить, в душу не допускать сомнений,
Чтоб в этой жизни суетной с дороги не свернуть.

За эту карту яркую благодарим Создателя,
С любовью вспоминая, где довелось нам быть.
А к месту незнакомому присмотримся внимательно,
Какую-то задачу тут предстоит решить!

Вся жизнь – цепочка совершённых действий.
Их правильность проявится последствием.
Пусть сердце мудро свой обдумывает путь.
Господь же управляет его шествием.

Остров в жизни

У каждого в жизни должен быть Остров –
Даётся возможность встречи с Душою
Один на один, познавать её лучше:
Её маету и тоску без покоя.
Ещё если Дух не вывел
На путь, что ведёт только вверх.
А если давно есть меж ними согласие,
Откроется путь ко второму рождению –
Рождению в Духе.

Всем известно, что остров – изоляции символ.
Может быть он на озере
В сказке царства лесного,
В чьей тиши Дух стремительно
Вверх увлекаем,
И напротив – в бушующем океане,
Где стихии разгул – отраженье страстей,
Захвативших в заложницы Душу.

Ну а срок пребывания на острове том
Может быть лишь привалом
Для созревшего Духа,
Иль совсем растянуться
На бесконечно долгие годы
Блужданий в потёмках.
И совсем не запрет,
Что тот Остров необитаем:
Могут быть рядом люди,
Как условие последней
Нерешённой по жизни задачи,
Иль условие скорейшего роста вас в Духе.

Служит местом чистилища этот Остров.
Это требует мужества самопознания.
И возможность даётся,
Чтоб очистить души закоулки
И греха не оставить без покаянья.

Остров – место, откуда молитвы
Путь кратчайший к Отцу открывают.
А в ответ может быть благодать,
Как посыл для души –
В страхе, трепете благоговенья
Предстоящую аудиенцию ждать.
Ибо, что есть тот Остров
Как не преддверие?
Оставляют там жизни удачи,
И мечты, и надежды, успехи, награды,
Несовершенного горечь досады
И ум до пределов энциклопедий развитый.

И с собою ничто не возьмётся –
Только опыт Души, только Духа победы
И любовь как познание Творца –
Только с этим к нему возвратимся,
Что потом в жизни новой зачтётся.
Нет ведь горше беды,
Коль случится обойти стороною тот Остров...

Что в твоей жизни доброе бывает –
Оно от Бога – радость прибавляет.
А если зло в твоей возникнет жизни –
Оно лишь от тебя проистекает!

Мозаика

Наша жизнь – мозаики панно.
Каждый трудится над ним искусно:
У кого – реально как в кино,
У кого – абстрактное искусство.
У одних – события как знаменья:
Фрески чередой сюжетов в храме.
Тут и благовест, души крещенье,
Путь к распятью – знак благих деяний.
У других же – обретенье веры,
Жить по заповедям – для души свобода,
Выполнять назначенное дело –
Вклад достойный в продолженье рода.
У иных – лишь мастерский коллаж
Из оборванных сюжетных линий,
Из разлук и встреч, из чувств муляж,
Из иллюзий, сотканных самими.

Есть мозаики – мазки и пятна бегло, –
От эмоций и страстей кипенья,
Радужные проявления эго
И лукавый шёпот искушенья.
Нужно, несомненно, мастерство,
Чтоб создать достойное творенье.
И при том условие одно:
Богом данной жизни постиженье.

Событья пазлами уложены в картины.
Что с нами в жизни происходит – в нас причины.
Коль скоро мы идём на поводу желаний,
То стороною благодать проходит мимо.

Уроки жизни

Когда мы были молоды,
Крутили многим головы.
Спешили всё изведать,
Считали лишь победы.
Казалось, сигарета
Сладка из-за запрета.
А хмель дарил веселье
И не пугал похмельем.

Желаньям всем зелёный свет –
Попробуй-ка держать ответ!
Давала нам авансы жизнь,
Чтоб по счетам могли платить.

Душа была слепа, спала –
Порядком причинили зла.
Глухи к мольбам и уговорам,
Бежали от любых укоров.
Самовлюблённость, эгоизм
Беспечно осложняли жизнь.
Осмыслить же, подумать –
Не выкроить минуты!

Но сколько можно дальше гнать?
Пора уж тормоза держать.
Всё круче повороты,
Набитых шишек опыт.
И тает наваждение,
Приходит просветление.
Шанс дан – урок Творца постичь,
Любовью наполняя жизнь.

И много благодарных слов,
Что мало наломали дров!

Жизнь

С.К.

Хлопья снега прячут клумбы, тротуары.
Замерли под шапками столбики фонарные.
Мудрые философы – парка долгожители,
Множества историй, встреч-разлук хранители.

Помнят зимы-вёсны, карусель сезонов.
В жизни всё случается по её законам.
Вот гуляет женщина, таинством наполнена.
Поступь осторожная – плод несёт особенный.

Здесь малыш усердно снежный ком катает
Снеговик на клумбе – зимним другом станет.
Греет руки трепетно юноша подруге.
Страсти шквала, дерзости ждёт душа в испуге.

Мимо них проходит поступью несмелую
Пара долголетняя. Головы забелены.
Всё в их долгой памяти: встречи, дети, внуки...
Лишь опора прежняя – любящие руки.

Черeda историй – жизни мемуары.
Хлопья снега прячут клумбы, тротуары...

В молодости время безразмерно,
Начинаний брошенных без меры,
Ссылок на *потом* растёт гора...
Счёт какой к оплате станет первым?

Как узнать?

Если никогда не видел света,
Как узнать, что жизнь твоя во тьме?
Благости ни разу не изведав,
Не поверить жизни в нищете.

Если не слышал раскатов грома,
Как узнать границы глухоты?
Иль ни разу не помог другому –
Испытаешь чувство доброты?

Коль сомненья – путы на ногах,
Как поверить: есть к Творцу дорога?
Если сути не постичь в словах,
Как суметь тогда возжечь глаголом?

Праведность и мудрость не в чести,
Нет пути, когда соблазна много.
Как пустой лампаде не светить,
Так и без любви познать ли Бога?

Жизнь выстраивает каждый сам себе
Как мозаику из выбранного цвета.
Как узнать, что жизнь твоя во тьме,
Если никогда не видел света?...

Живём мы в деяньях поспешных.
К оплате счета неизбежны
За гнев, за гордыню, обиды.
Создатель, помилуй нас грешных!

За всё в этой жизни нам надо платить:
За знания, ошибки, за счастье любить.
А в плате всегда воздаяния тайна.
И лучше дать больше, с оплатой спешить.

Моя жизнь

Когда последний раз стихи писались?
Семейной жизни не было в помине.
А чувства через край плескались –
Совсем неподконтрольные, чем ныне.
С рождением дочери пошла череда открытий:
Мир матери, а в центре – мир ребёнка.
Втянуло время нас в поток событий,
Разбавив будни детским смехом звонким.
Клише и штампы, размышленья рамки
Нам диктовали мысли и поступки.
Супружества обыденные ляжки,
Свободу повязали, словно путы.
Копился опыт, а душа блуждала
С её поводырями – взором, слухом.
И только рукотворчество спасало,
Давая радость воспаренья духу.
О сколько было сделано ошибок.
Построить отношения так непросто.
Непониманьем стёртых с губ улыбок
Мы раздраженью оставляли место.

С годами ближе к Богу, несомненно.
На помощь Духу ширится сознание.
Мы постигаем принципы Вселенной,
Как блудный сын, пришедший с покаянием.

Учила жизнь ни много и ни мало,
Подсказок перед граблями хватало
Души багаж – набитых шишек опыт.
Повтора только б мудро избегала.

Юность жизни – в дорогу весна позвала.
Зрелость – лето спешит наполнять закрома.
Что же больше богатства иль мудрости там?
Старость – осени щедрой, ответов пора.

Для событий жизни осмысленья
Научитесь мудрому терпенью.
Трезвое же виденье себя
Станет для гордыни усмиреньем.

Как задачу жизни для себя узнать?
Как потенциал свой реализовать?
Жить всегда с любовью, верой и надеждой –
Лишь тогда откроется знанья благодать.

Пролетели годы

Пролетели годы быстро, незаметно,
И к задачам жизни найдены ответы.
Всё уже расставлено по своим местам,
И душа боится уступать мечтам.
А ребёнок рядом стал совсем большим
Он – подарок жизни по делам твоим!

Юбилеи в жизни

Юбилеи – памятные вехи.
Ими устлан нашей жизни Путь.
Радости Со-Творчества, успехи
Наших действий раскрывают суть.
Так с годами множится богатство:
Опыт, мудрость, Неба благодать
И единомышленников братство,
И возможность все долги отдать.
Свет в душе – опора и защита,
Всех сомнений тени гонит прочь.
А когда твой свет другим открытый –
То познать Премудрость довелось.
Воля и Любовь – судьбы доспехи.
С избранной дороги не свернуть.
Юбилеи – памятные вехи.
Ими устлан нашей жизни Путь.

Внуку

Маленькое чудо появилось рядом.
Взгляд сосредоточенный, Светом удивлён.
Все вокруг не познано и пока загадочно,
Кто все эти люди, кем он окружён?
Ласковые руки, шепот и улыбки.
Любопытство детское уравнило всех.
Он, благословлённый с первой же минуты,
Приоткрыл нам таинство – рождества секрет.
В мир войдя, увидел жизни многоцветье...
Не оставь, Создатель, Малыша в Пути –
Пусть узнает истины главные на свете
И растёт здоровым в Вере и Любви!

Недолго в этом мире пребыванье.
Наступит час с тобою расставанья.
Мой внук, прими опорой и защитой –
Что почерпнула я из жизни – мудрость, знанья.

Нам хочется оставить в жизни след.
Успеть потомкам дельный дать совет.
Волною на песок накатит жизнь
и схлынет – а тебя уже в ней нет.

Краток момент пребывания в Жизни –
Надо успеть в деле поиска истины.
Страхи, эмоции, суетность, леность
Нас отвлекают от помыслов чистых.

Время жизни – пора благодатная,
Чтоб исполнить судьбу вероятную.
Ложь, гордыня, страстей своеволие –
К богоборчеству шаг, на попятный.

Начали границы делить семьи, дружбы.
Подданными разных стали государств.
Чтоб не потеряться в этой жизни, нужно
Нашим душам ищущим избегать мытарств
И в духовной общности оставаться прежними,
И друзей, и близких слышать стук сердец.
Будем жить с Любовью, Верой и Надеждой,
Как нам заповедал Отче наш – Творец!

Осень для жизни есть время оплаты:
Отдано много – полна, благодатна;
Прожил без веры, любви, в эгоизме –
Время судьбы и здоровье – расплата.

Если старость не в радость – значит в жизни темно:
И любовь, детство, счастье, – всё былшем поросло,
Пониманья нет Божьего Промысла, блага.
Ведь унынье греховно – богоборчество, зло.

Жизнь без любви так уныла, пуста.
К сердцу дорогу забыла весна.
Жалость к себе не даёт зажить ране,
Память обиды – от мира стена.

В жизни не укрыться от соблазнов,
Социум манит многообразьем.
Знать бы зло, какое вступишь с ними.
Губят души своеволие и праздность!

Социум правит, диктует условности.
Моду толпа принимает с готовностью.
Степень развития чувства стыдливости –
У человека мерило духовности.

Жизни действие суть потребление –
Вещи, пища, культура, общения.
Потребительство – жажда избытка.
Жадность – цепь и рычаг управления.

Позволяем вещам нашу жизнь заполнять,
Не спешим в окружении что-то менять,
Терпим рабство привычек и плен отношений,
Лишь бы только душевный комфорт сохранять.

Кто не познал любви и смысла жизни,
Тот в поисках врагов далёких-ближних
И может ненавидеть тех, кто хуже,
Себя лишь только правым всегда мыслит.

Научиться создавать благополучье.
В жизни нашей отношения строить лучше –
Знак духовного развития успешный
И свобода от привычки верить в случай.

Зим и вёсен растёт череда.
Вот уже и к премудрости ближе.
И видней результаты труда –
Сотворенье мозаики жизни.

Заповеди

Заповедан он нам со времён Моисея –
Свод Законов, несущий и свет, и спасение.
Это стало Завета-Союза залогом
И для праведной жизни подсказкой от Бога.
Кто законы нарушит – покинет путь жизни
И пред Небом предстанет погасшим и лишним.
Они в заповедь главную все сведены:
«Люби Бога! И ближнего как себя возлюби!»

Вот и в Новом Завете Сына Божьего глас:
«Возлюбите друг друга, как я люблю вас!»
Мы всей жизнью своей благодарны Творцу –
Ведь Он Волю нам дал самим строить судьбу!

«Да не будет у тебя других богов, кроме Меня!»

Всякий мнит, что тут-то он безгрешен
И от идолопоклонника далёк,
Лишь Творцу он всей душою предан.
Эта заповедь – усвоенный урок!

Так ли это? Если разобраться –
Кто-то лишь ребёнку жизнь отдаст,
А кому-то с властью не расстаться,
Для кого-то в женщине вся сласть.
Наслажденьям, почестям, заботам
Позволяют часто быть пристрастьем,
Как кумиров ставят рядом с Богом
Или даже выше – своим счастьем.
Эти предпочтения иного
Будут путами в конце земного срока.

И душа не сможет быть готова
Возвратиться снова в Царство Бога.

Это будет для неё духовной смертью.
Чтоб избегнуть ужаса того,
Надо главной заповеди следовать:
«Да не будет у тебя иных богов!»

«Не произноси имени Господа Бога Твоего напрасно!»

Речь слышна привычна, безобидна.
И задуматься все как-то невдомёк:
Имя Бога поминают очевидно,
Без понятия, к чему это ведёт.

Как поверхностны все обороты речи:
«Ради Бога...», «Да оставь его, Бог с ним...»,
«Ах, ты, Господи!..» Летят слова беспечно.
Без костей язык – мы говорим.
Пыжится гордыня: «Клянусь Богом!» –
Где тут чистое смирение в себе?
Так мышление пустое и убогое
Предстаёт во всей своей красе.

Знали бы, – остереглись молиться,
Если трудно мудростью постичь –
Как в ладу со словом находиться.
Пустословье осложняет жизнь.

Можно ль равнодушным оставаться,
Божьим именем так злоупотреблять?
Безнаказанно святое из понятий
Повседневно под ноги метать?

Эгоизм, беспечность, самомнение
Помогают распускать язык.
Позабылось, что с благоговеньем
Говорить о Боге надлежит.

Если заповедь даётся Богом –
Это значит – всем должно быть ясно:
Исполнять сознательно и строго.
Имя Господа не поминай напрасно!

«Помни день субботний, чтобы проводить его свято!»

В привычных буднях, суете
Нет времени собой заняться,
Чтоб Божий промысел в судьбе
Своей увидеть попытаться.
И жизнь земную обзреть,
Проникнуть в суть своих поступков,
Врасплох чтоб не застала смерть,
К любви оставить душу чуткой.

Из плена многих заблуждений
Желать к познанию прийти.
Чтоб сделать это в своё время,
Всегда день праздничный святи!

«Почитай отца своего и мать свою!»

Здесь речь не о сыновнем долге
Любви к тем, кто тебя взрастил.
Здесь заповеданные Богом
Понятия святые чтить.

Отцовство, как и материнство –
Задачей жизни осознать.
Родители должны стремиться
Ответственность свою познать.
Тогда достойны уваженья
Предстанут для детей своих,
Не вызывая искушенья
у них суждением в грех вводить.

Чтоб в душу не пускать борьбу,
В семье изведать благодать,
И с миром быть всегда в ладу,
Ты должен чтить отца и мать!

«Не убивай!»

Грех большой лишит кого-то жизни.
Невозможно этого не знать.
«Умерщвление» – понятие безобидней.
Но по сути – то же совершать.
Можно просто разрушать доверие,
Иль, вмешавшись, дружбу разорвать,
Иль ребёнка из благих намерений
Жизни путь на свой лад поменять.
Иль от, Богом данных нам, талантов
Отмахнуться, в землю их зарыть.
Иль насмешкой едкой дилетанта
Искру Божью в ком-то потушить.

Грех другой легко свершаем все мы
В суете и лени, на бегу,
Легкомысленно мы убиваем Время,
Искупленьем делая судьбу.

Дана заповедь. Избегаем мы страданий,
Если будем в суть её вникать.
Следуя на поводу желаний,
Помни: ты не должен убивать!

«Не прелюбодействуй!»

Если истинный брак Волей Божьей,
Тот грешит, кто сознательно сеет
Недовольство, разлад, мысли ложные
К поруганию и недоверию.
Укротить кто не в силах желание,
От фантазий ещё не раздутое,
Потом справиться не в состоянии,
Полагая, – нечистый попутал.

Грех разрушить союза гармонию.
Половине хранить надо верность.
Как наказ прими без прекословия:
Ты не должен прелюбодействовать!

«Не кради!»

Красть чужое имущество – грех.
Только ценности есть и другие:
Уважение, доброе имя, успех
И доверие, мысли благие.

Каждый может слукавить легко:
Мол, намерение было праведно –
На свой взгляд друга предостерёг
От кого-то – доверье украдено.

Или, зная про чьи-то дела,
Их огласке предать без согласия □
Равнозначно – обворовать, –
Даже просто приняв участие.

Можно время чужое забрать
На обман, пересуды, амбиции...
Эту заповедь важно понять:
Воровать ты не должен и в принципе!

***«Не произноси ложного свидетельства
на ближнего твоего!»***

Ложь всегда была силою тёмною,
Вероломною и позорною.
Как жестоко она ранит душу,
Ведь злословье к судьбе равнодушно.
Репутацию бросить под ноги –
Сил подняться найдётся у многих?
Можно ль быть настолько беспечным,
Чтоб украсть у души своей вечность?

Неизбежны Законы Всевышнего,
Не свидетельствуй ложно на ближнего!

«Не желай жены ближнего твоего!»

Пробуждается и направляется
Только мыслями тяга-влечение.
Западней может случай представиться –
Человек уже раб вождления.
Наказание ждёт обольстителей

И насильников за обиженных.
Содержать в чистоте стремись мысли свои
И не надо желать жены ближнего!

«Не желай ... ничего, что у ближнего твоего!»

Ценят редко, что себе принадлежит.
А чужое вызывает зависть.
Это чувство гложет и свербит,
Не даёт душе покоя алчность.
Кто не хочет быть довольным тем, что есть –
Душу ждёт жестокая борьба.
И пока поймёт он этот грех,
Обретёт не скоро благодать.

Чтобы измениться, наконец,
Жить согласно в помыслах-делах,
Чтоб увидеть Божий план в судьбе,
Ты не должен дома ближнего желать!

Исповедь

Исповедь – это окно в небеса.
Стоит открыть – свет вливается в душу,
Чувства раскаянья рвутся наружу,
Мысли, мольбу облекая в слова.

Тайной покрытое станет вдруг явным.
И пониманье приходит поступков.
Сор выметая из всех закоулков,
Вдруг понимаешь – что в жизни есть главное:
Свет и Любовь, и Надежда и Вера,
Радость желанья сделаться лучше,

Смело встречать перемены грядущие,
Быть благодарным Творцу без предела.

Иуда

Иуда – предательства символ.
И тридцать монет – это плата,
Чтоб жизнь потом стала постылой
И ветка осины – награда.

Предательство в дружбе есть подлость.
А если предал Учителя,
То вырыл не яму, а пропасть,
Куда сам себя стал гонителем.

Предательство – сети гордыни,
Тщеславия и лицемерия.
Дела не бывают благими,
Когда они рушат доверие.

Каин и Авель

История про братьев всем известна.
Один – пастух, другой был земледельцем.
Плоды трудов несли дарами Богу,
Хваля Его за милости, заботу.
Один дарил – от радости делился.
Другой же – милость получить стремился.
Но только Авеля Творцу угодна жертва,
К дарам же Каина отнёсся без ответа.

Не смог увидеть Каин испытанья,
С обидой принял всё как наказание.

Вскипевший эгоизм добавил масла.
Душа взывала к разуму напрасно.
Разгул страстей и ненависти буйство
Подвигли Каина свершить братоубийство.
Грехом же первым было осужденье,
Что Бог отверг его преподношенье.
И на весь род его легло проклятье,
А грех привел к Голгофе и распятью.

Гнетут желанья благ, цепями душат.
Подсказку сверху человек не слышит.
Содеяв грех один – а дальше проще...
Тот Господа гневит, кто постоянно ропщет.

Лень

Лень уютная, мягкая, цепкая,
Безразличная, властная, крепкая.
В кругах ада ты Данте указана
И пороком традицией названа.

Цепь колец из объятий пудовая...
Разорвать и сбежать – не готова я.
Убаюкана и стреножена,
Полусном-забытьем заморожена.

Мне картины рисуются дивные,
И уводят с пути нерадивую.
За туманом дороги не видно.
Жизнь, прости: за бездействие стыдно...

Новая суть лени

Но настало другое время –
Лень скорее от утомления,
От растраты запаса энергии,
Когда разум и отдых отвергнуты.
Она служит подспорьем немалым –
Лень становится лёгким *началом*.

Любовь

Любовь – не чувства и не ощущения.
Любовь – всему живому воскресение.
Любовь есть действие, глагол, души работа.
В ком есть она, тот обретёт спасение.

Любовь – и чувство яркое
И ощущение жаркое,
И страсти жгучей сполохи,
И тайных звуков шорохи,
И как волна свободная,
И блеску звёзд подобная,
И цепи гнёта тяжкого,
И баловство поблажками,
И детский смех беспечности,
И странница по вечности,
И музыка волшебная,
Сражение победное,
Воздушных замков зодчество,
Бессмертия пророчество.

Но всё ж Любовь – деяния:
Надежды возгорание,
Присутствия вдыхание,
Флюидов осязание,
Нежнейшее касание,
До дрожи обнимание,
Росы с губ целование,
Всех таинств познание,
Лишь счастья сотворение,
Да в суть проникновение,
Желаний исполнение
И в радости служение,
Всецело отдавание,
За все дары признание.

Такое осознание –
Ключ к миропониманию.

Раздумья

Ты мучаешь меня, но я прощаю.
Боль в сердце остаётся ненадолго.
Со временем всё чаще замечаю:
Меня стреножишь, как тебе угодно.
Последним снегом тает откровенность.
Сомненья, недоверье рушат лад.
Какие испытанья терпит верность –
Навек прикованный к галере раб!

Любовь никак не может быть бедою.
Она – свобода, радость, яркий свет!
Что натворить сумели мы с тобою,
Чтобы былой любви растаял след?!

Двум половинкам встретиться непросто,
Дуэт сыграть на жизненных подмостках.
Но неспроста же вместе, хоть различны –
Мы друг для друга как условие роста.

Измена – любви предательство,
В угоду страстям обстоятельство.
Поругано сердца доверие.
На божий завет посягательство.

Мудрость

Много мудрости – много печали...
Познаются законы и люди.
Надо только принять изначально:
Кто не судит – судимым не будет.
Торопливый ногами оступится...
Суета – для души угнетение.
И плохое предчувствие сбудется,
Если слабая Вера в спасение.

Когда любишь безмерно Создателя,
Ко всему со смиреньем относишься,
Все дары принимаешь признательно.
Кому много дано – больше спросится!

Если мудрым советом готов пренебречь,
Не спешишь из ошибок уроки извлекать,
Будет курс твой на светоч познания – грабли.
Лоб от шишек не сможешь тогда уберечь...

Книги – с ушедшими способ общения,
Кто избежал кануть в Лету забвения,
В краткий момент пребывания в жизни
Многое сделал для поиска истины.
Мудрость в них служит залогом защиты
От вероятных бездумных ошибок.
Кто принимает совет, назидания,
Тот принимает к истоку познания.

У каждого сужденья своя правда.
На мненье собственное мы имеем право.
Но истина бывает лишь одна –
И мудрость это почитает главным.

Иллюзия – всегда ума творенье,
Сквозь собственную призму отраженье.
Её способность подменить реальность
Таит в себе немало искажений.

Мало знать – нужно делать как надо.
И проверку прими без досады.
От лукавого ждёт искушение,
Испытанья от Неба – награда.

Бывает порой очень трудно
Принять происшедшее мудро.
Эмоции, глупость, гордыня
Ведут мимо гавани судно.

Задачи всем даны под стать –
роптать на тягость их излишне.
Когда найдется что сказать,
глас и в пустыне будет слышен.
Премудрость можно лишь познать,
взрастив, расправив духу крылья.
А помощь в деле, благодать –
как знак, что свет твой виден свыше.

Мудрец не считает себя только правым,
Другим жить своим не мешает уставом.
По праву тогда обладать может истиной,
Величье и мудрость стяжает во славу.

Музыка сфер

Музыка волнами плещет неистово,
Палочкой взмах дирижёра воинственный,
Плещет энергия сказочным выстрелом
В суетность жизни – и в ключья обыденность.

G. Händel. Trio-Sonate F-Dur

Звучит соната Генделя под сводом.
Храм полон, но моей душе – простор.
Она челну на гребнях волн подобна,
Который в гавани не скрылся до сих пор.

Орган и флейта трепетны, созвучны –
Отец и мать – начало жизни, суть.
Дитя их – голос в Небеса влекущий,
Заблудшим душам открывая путь.

Тая дыханье, внемлю разговору.
Тrio-Sonate – это сфер звучанье.
Нет суеты. Вселенная покоя.
Душа чиста, омыта покаяньем.

G. Telemann. Stück für Tenor, Altflöte und Orgel

Органа звуки увлекают Душу вверх.
Он – мощный Дух, он – поводырь для флейты.
Она же трепетна, боится не успеть,
В плену страстей, эмоций, страха смерти.

Она упрямится порывам звонких труб.
Нежна, парит, потоками играет...
Орган настойчив, вдохновен и мудр.
Никак капризам флейты не внимает.

Послышался вдруг новый звук с небес –
Любимый голос, памяти знакомый.
Обоих призывал к себе Творец,
Чтоб соблюсти гармонии законы.

Звучали тенор, флейта и орган,
Храм наполняя светом, чистотою.
Векам подарок сделал Телеманн.
...А за окном все чистилось грозою...

Обман

Почему в нашей жизни обману есть место?
Просто люди хотят жить как им интересно:
Без высот постиженья, без лишних раздумий,
Без оценки поступков в суете серых будней.

А от них ждут стремления ввысь, к совершенству?
Так контроль над собой их лишает блаженства!
И тогда, чтоб иллюзий о них не разрушить,
Чувства, мысли таят, не пуская наружу.

Потому и обман, потому и притворство –
Испытанье для дружбы, любви и партнёрства
За желанье добра зло в ответ по заслугам:
Лечат больно гордыню обманчивым другом.

Переделать кого-то не надо стремиться,
Ведь на волю чужую нельзя покушаться,
Лишь любить продолжать и не впасть в осужденье.
Это будет залогом для дружбы, спасеньем.

Опыт

Известны инструменты воспитания:
Ремень и розги, или кнут и пряник.
Какими бы благими ни казались, –
Насильем были, страхом почитались.

Но есть другие инструменты – грабли.
Свободу выбора они нарушат вряд ли.
На них, коль наступил, – получишь по лбу.
В алмазах небо помнится надолго...

Сноп искр из глаз – условие просветленья
И мудрости возможность постиженья.
Свой опыт жизни получает каждый:
На те же грабли не ступить бы дважды!

Память

Наша память – большой антикварный сундук.
Там годами накоплено всякого.
Навести же порядок – никак недосуг.
Иль боимся того, что там спрятано?
Говорят, лишний раз нет нужды ворошить
В нём события давнего прошлого,
Коль не в силах уже ничего изменить –
Вспоминать будем только хорошее.

Мамы нежные руки и ласковый взгляд
От напастей с любовью хранили,
Эскимо, поцелуи, любовь, звездопад
По судьбе нашей вехами были.
А потом жизни встречи – подарок судьбы,
И познание сердца границы.
Поиск мудрости, сути и новизны
Чувства Духа, парящего птицей.

Всё прекрасно, когда в душе радость живёт,
Благодарность любому мгновенью
Мастерства проявленье, фантазий полёт
И в Со-Творчестве благословенье!
Юбилей – это повод встряхнуть сундуком,
Память вычистить от негативного,
И накопленным в сердце делиться добром.
Только б времени жизни хватило!

Память – хранилище прожитой жизни.
И наводить там порядок нелишне.
Напрочь обиды, унынье, ошибки
И всю ту боль, причинённую ближним.

Покаяние

Прибывают года за спиной.
С ними об руку – жизненный опыт.
Я как воин на передовой –
Нет защиты, нет мамы заботы.
В мою память шагнула она,
Нам теперь невозможно расстаться
И, молитвами чистясь, душа
Достигает высоких вибраций.
Горя нет. И нет сердца тоски.
Эгоизм уж не правит любовью.
Но сжимаю до боли виски –
Как я мало делилась с тобою.
Радость, чувства, объятья, слова
Для тебя на потом оставлялись.
Суета громоздила дела,
И расплатою будни взимались.

Как мучительны жизни уроки –
Их исправить нельзя, пересдать.
Не должны быть упущены сроки,
Чтобы локти потом не кусать.
Прибывают года за спиной.
Разделяют этапы пути,
Где тебя уж давно нет со мной.
Ты за всё меня, мама, прости!

Искушение – плата, закрытие долга.
Только путь к осознанию может быть долгим.
Важно видеть свой вклад в совершённом проступке -
Покаянье растопит гордыни осколки.

Как трудно быть великодушным
И в покаянье прямодушным,
Когда в упряжке у гордыни
Безропотны мы и послушны.

Чувство вины есть греха осознание,
Ведь для гордыни поклон – наказание.
Душу очистить – добавить в мир света.
Благословенно души покаянье!

Пост

Пост – это особое время.
Душа приобщается к вечности.
Отказ от мирской суетности
Растёт из пелёнок беспечности.
Проверка – крепки ли связи,
Привязки к материальному.
В плену у страстей, нервозности
Так трудно увидеть главное.
Нам путь на земле отмерен
Мгновением в Мироздании.
Душа набирается опыта,
В котором претворены знания.
Лишь это богатство зачтётся
В грядущее воскресение.
И пост как проверка на прочность,
Молитвенный труд во спасение.

Время поста – всегда время раздумий:
Много ли было поступков разумных,
Или эмоции, чревоугодие
Сетью втянули в деянья разгульные.

Праздники Религиозные

Крещенская ночь

Крещенская ночь – удивительный дар
Всей планете, отдельно каждому.
Освящённый Творцом вековой ритуал –
В нашей жизни событие важное.

Вся вода ручейков, рек, колодцев, озёр
Чистотою наполнена, благостью.
Наш Создатель воистину руки простёр,
Одарив Иордана вод святостью.

Мы для жизни достойной Отцом крещены.
Но познать это можно лишь в Духе,
Уходя от грехов, от обид, суеты,
Сторонясь искушения, слухов.
Как нужна нашим душам святая вода,
Дабы вычистить нам их от сора!
Мы в долгу у природы. И шанс есть пока
Не лишиться Господнего крова.

Наш Творец, помоги нам принять чистоту
Как спасение в нынешней жизни.
В эту ночь за любимых и близких прошу:
Окропи животворными брызгами!

Крещение – начало Духа жизни,
Возможность помыслы к Отцу приблизить,
Любви и свету, радости открыться,
Себя подставив животворным брызгам!

Пасха

Праздник Пасхи любим и дорог. Прежде всего – воспоминаниями детства: в этот день у калитки нашего дворика, сменяя друг друга, появлялись соседские и вовсе незнакомые ребята – мои земляки-туркмены с заученными словами "Христос воскрес!". Так благодарна им, научившим раздавать с радостью пасхальные выпечки, крашеные яйца и сладости. И никакая атеистическая пропаганда не мешала в этот день нашим национальным и конфессиональным различиям просто радоваться весне, солнцу и вкусностям, изготовленным добрыми руками любимых мам и бабушек. Сейчас просто невероятными кажутся истории смекалки, изворотливости, когда при таком знакомом всем дефиците продуктов (об изысках оформления и речи нет!) умудрялись создавать великолепные выпечки.

Вот только о сути этого праздника и взрослым-то мало было, что ведомо, где уж говорить о юной пионерии.

Сама традиция делиться пасхальными блюдами не исчезала и спустя десятилетия. В руках у многих уже была Библия, и по всей советской стороне начали возрождаться храмы. Как же потряс фильм режиссера Джона Хеймана «Иисус», который нам довелось увидеть через два десятка лет после его премьеры. Для многих были зримым откровением история Христа, его распятие, воскресение, обнажившие суть праздника Пасхи.

В Германии также поначалу удивила кажущаяся подмена сути Пасхи/Воскресения Христа радостным ожидаемым весенним праздником с зайчиками-цыплятками-жучками под украшенными разноцветными яйцами кустарниками, деревьями. Возможно, это есть главное для детского уровня восприятия жизни. И если взрослые радуются этому языческому ритуалу, дням отдыха, значит, из всех прине-

сённых на Землю Иисусом истин исполняется именно эта: "Будьте как дети!" Только ведь именно здесь в страстную пятницу нерабочий день как раз для того, чтобы осознать всю глубину самоотверженности Спасителя, вспомнить Его крестные страдания. Самое время для фильмов-шедевров Паоло Пазолини, Роберто Росселини, Джоржа Стивенса, Франко Дзефирелли, Мартина Скорсезе, Родриго Гарсия, Мэла Гибсона и др. А уже потом празднование Христова Воскресения. Радует, что периодически этот пасхальный праздник совпадает у верующих различных христианских конфессий. Ведь и так слишком много в жизни такого, что разъединяет...

Всенощная на Пасху

Вокруг привычно светло
Даже ночью.
Огни вдоль улиц,
Рекламы.
И тьмы воспрятье другое:
Тьма – это ночь,
А свет – это день –
Конкретное время у суток.
Их чередá неизбежна,
А мы в суете безмятежны.

В храме полно прихожан,
И почти тишина.
Тьма оглушает,
Огромным накрыв колпаком.
Где же убежище –
Душу чтоб спрятать от страха?
Оцепенев от боязни задеть

Тех, кого чувствуешь рядом,
Душишь отчаянный крик
О свете моление.

И вот кульминация –
Вносят лучину,
Она из кострища пасхального.
Струйками разбегаются
По свечам приготовленным
Мерцающие огоньки.
Их видно сверху из Мироздания.
В эту ночь на земном нашем шаре
Храмы заполнили христиане
И огоньков мириады.
Свет свечи проявляет
Тьму, что рядом гнездится
В душах, мыслях и чувствах.
Огонь выжигает нечистое,
Дарует слезу покаяния.
Сотню свечей не сравнить
С лампою в сотни ватт.
Свечи эти как души,
Чей свет будет видим другими –
Кого темнота пеленала,
Кому даровала забвение.

Для духа парение в свете.
И Пасха – закон воскресения
В жизни, любви и вере.
Аллилуйя! Тому, кто нас учит,
Как обрести спасение!

Пасхальная служба

По всем календарям сегодня Пасха –
На этот раз едины христиане
Пришли в берлинскую Базилику на праздник.
Сирийцы, шведы, сербы и армяне.
Евангелист, католик, методист
Хоралом и псалмом Иисуса славит
И рукоплещет в пении баптист,
И ортодокс молебны воспеваает.

Слышны с десятков разных языков,
Но нет смешения как в Вавилонской башне.
Примета времени – созвучье голосов
И пусть расколы станут днём вчерашним.
Органа звуки льются на простор.
Многоголосьем вторим им, ликуя.
Христос над нами руки распростёр.
Воистину воскресе! Алилуйя!

Рождество

Для души благодать Рождества ожиданье –
Разгрести все грехи и омыть покаяньем.
Видный лишь в чистоте свет Звезды Вифлеемской
Дарит душам бессмертия обетованье.

Ожидание Рождества

Время Адвентов –
Время раздумий,
Время оценки плодов
И достигнутого,

Время поста
Очищения внутреннего,
Время Преддверия
Таинства дивного.

Мир утопающий
В самодовольстве,
Мир эпатажа,
Рекламы безумства,
Мир отягчающий
Бремя потомства –
Мир у порога
Рождения чудного.

Свет Вифлеемской
Звезды путеводной,
Свет ожидаемый –
Мрака гонитель,
Свет, изменивший
Судьбы народов.
Света знаменье –
Рожденье Спасителя.

Святая ночь

Плывет звон колокольный повсеместно,
На службы христиане собрались.
В огромном Храме прихожанам тесно,
Но для души всегда дорога ввысь.
Она парит, испытывая радость,
С молитвою взмывая в небеса,
Даёт опять изведать детства сладость:
Объятья мамы, веру в чудеса.

Святая ночь! Ты чистишь наши души
От суеты, балласта прошлых лет...
Благословен на свет Звезды идущий,
Несущий в сердце Рождества Завет!

Прощёное Воскресенье

С утра звонки телефонные
За делом любым настигают.
Опять воскресенье прощёное
Нам случай покаяться дарит.
Прощаем, просим прощения
За глупости сотворённые,
За то, что в нашем общении
Обиды творим невольные.

Почистить душу от мусора
Претензий и нетерпимости –
Гордыне задания трудные.
Желанье придаст нам решимости.
Дадим же возможности Духу
Познать высоту воспарения,
С любовью даруя друг другу
Спасенье Души очищением!

Преображение

Идёт жизнь своим чередом. Привычная круговерть дел, общений, разбавленная мечтами о свободном времяпровождении, и порою непонятное томление души в поисках дела для самовыражения. Прежде на ум приходили сравнения с хрестоматийной белкой в колесе, ныне же – мысли о Колесе сансары, так называемом «колесе обусловленного

существования».

Внешнее пространство нашей жизни есть собственное взаимодействие с окружающим миром. Ну, а во внутреннем – происходит взаимодействие с самим собой: со своими представлениями, мечтами, мыслями. Именно душа суть внутренняя природа человека, с её желанием непрерывного удовольствия, получаемого от бытия, вместо желания непрерывности работы. И она, чего греха таить, прежде всего, настроена на получение удовольствий в привычном урбанистическом комфорте с возможностями удовлетворять свои потребности, легкомысленно используя творческий потенциал не для реализации должного, нужного для увеличения добра на Земле. Человеком постоянно делается выбор работы для души: либо к созданию блага, либо к порождению зла. И по нему можно судить о мощности силы света в нём, которая пропорциональна количеству совершенного добра.

Разумеется, понимание необходимости трудиться есть. Хотя случись все это получить задаром, то скорей всего, у иных смысл в трудовой деятельности пропал бы совсем. Только вот чаще наблюдается при поглощении комфорта и прочих благ излучение наружу негатива, недобрых чувств, мыслей. Где же вибрация благодушия, любви? Ведь говорят, что в человеке, божьем создании живёт его Творец. А если душа человека наполнена гордыней, раздражением, ропотом и протестом, осуждением? Как среди всего этого находиться там Богу?

Право же душа должна жить в Боге! Только такой масштаб кажется уместным. Но для этого ей ещё предстоит наладить гармонию в себе и вокруг, пройти путь очищения и преображения. И такое возможно лишь при внутренней работе с собой, когда осознанно выбирается духовное совершенствование, наработка сознания, и всё – при наличии

основных аспектов духовного развития – Веры, Познания, Творчества и Пути. Тогда становятся видны благоприятные изменения физического облика и души. А для человека неразумного остаётся лишь боль как единственное средство очищения и просветления души.

Духовность, познание и взаимодействие, находясь в гармонии, непременно приведут к духовному преобразению человека, проявятся глубоким спокойствием, силой, уверенностью и мудрым восприятием событий жизни. И суть преобразования – в проявлении подобия нашему Творцу!

У каждого есть свой опыт переживания Бога, опыт своего религиозного преобразования – обращения в веру, когда заученные постулаты из прежней жизни, навязанная атеистическая идеология, осыпаясь, обнажили дремавшую душу, чтобы напомнить ей об особом состоянии – стремлении к связи с духом.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло» – понимание этой народной мудрости всегда в помощь. Подумать только, ведь все могло оставаться прежним: тот же идеологический мусор с навязанными стереотипами мышления и юношеский максимализм в отстаивании убеждённости в правоте. В жизненном багаже ещё не накопились знания, что случайных встреч не бывает, что провидение специально сталкивает с теми людьми, которые выказывают по отношению к нам грубость и бессердечие для того, чтобы нам самим обратить внимание на собственное несовершенство. Потому как зацепки за выбранные идеалы и желание, чтобы мир подстраивался под них, создают в душе претензии к другим людям, к окружающему миру. Чем крепче

держимся за идеалы красоты, счастья, высоких чувств, за установки неосознаваемого по сути великодержавного шовинизма, тем тяжелее потом соглашаться с их разрушением. Такое не может оставаться безнаказанным. И тогда отрывают нас от них для нашей же пользы, очищения, и чтобы мы встали на свой истинный путь развития, духовного роста, изменяя прежде всего себя, свой характер, совершенствуя свою душу, принимая на себя ответственность за всё, что в ней происходит. Всё закономерно в этом мире, происходящее с нами было, есть и будет для научения, во благо.

Душа застыла в предвкушенье
Истомы трепетной паренья,
Готовой пашней для посева...
И Дух ведёт к преображенью!

Путь

У каждого своя дорога –
Соблазна, испытаний много.
Коль свет в душе – то будет помощь.
Блажен, уверовавший в Бога!

Дорога есть условие познания.
Лежачий камень – жизни ожиданье:
Не сдвинет ли его поток событий
Иль лень преградой на пути исканий.

Путник

Мы путники здесь на Земле.
Прямая не всегда дорога,
Страстям подвластны, суете,
Спит Вера, и в Душе тревога.
Гордыня подминает всё.
Надежда – на успех, на славу.
Любовь усладу лишь несёт,
Покорно подчиняясь нраву.

Даются благо, время, свет –
Привычка появилась брать.
А мудрость дарит нам совет –
Стократ полезней отдавать.
Дарить любовь, дарить добро.
И тотчас руки открывая,
Бог вкладывает мастерство,
К Со-Творчеству нас допуская.

Дано познать нам суть в пути,
Когда пред Господом предстанем,
Зачтутся нам дела Души,
Любовь к Творцу и сердца память.

Встречи

Благодарна судьбе за те встречи,
Что мой жизненный путь наполняют.
С ними много светлее и легче –
Счастье, если тебя понимают.
И коль скоро всё по подобию,
И сама для других интересна,

И со-путники будут особые,
И задачи найдутся совместные.

Избегать постараемся *сложностей*,
Чтобы ложь не пустить в отношения.
Если надо, пусть будут *трудности* –
Это новый труд во спасение.

Крепко связаны памятью прежней –
Встречи наши не будут пропущены.
Только в вере, любви и надежде
Мы дорогу осилим, идущие.

В жизни дорога – условие познания.
Было бы только учёбы желанье.
Всё не случайно здесь, всё – по подобию.
Встреча любая достойна внимания.

Случится у каждого Сретенье в жизни,
Когда вдруг во встречном Господь к нам приближен.
И грех отмахнуться, пройти стороною:
Скупой на радушие – Промыслу лишней!

Двурогий месяц сменится луною.
Значением наполнится пустое.
Ущербное стать может совершенным
Путь к совершенству – действие благое.

Путь мудреца – довольствоваться малым,
Не позволять гордыне мучить жалом,
Сомнений яду не проникнуть в веру.
Тогда и жизнь не завершить усталым!

Если мудрым советом готов пренебречь,
Не спешишь из ошибок уроки извлечь,
Будет курс твой – на светоч познания – грабли.
Лоб от шишек не сможешь тогда уберечь...

Радость

Радость – это свет в душе,
Нет сокрытых закоулков,
Осуждения поступков,
Есть доверие судьбе.
Без печали краски ярки:
Солнца душ в сугробах снега,
Или радуга в полнеба.
Все события – как подарки.
Даром – счастье жить любовью,
Даром – лепет детский, смех.
Сознавать: унынье – грех,
Жить всегда в ладу с собою.
Свет в себе есть жизни мудрость,
Все деяния благие.
А когда он зрим другими,
Этот дар – уже премудрость.

Розарий Девы Марии

Тильман Рименшнейдер любил читать Молитвы Розария, которым сопутствовали размышления о Радостных, Скорбных и Славных тайнах, соответствующих определённым евангельским событиям. Припомнилось ему, как особенно часто читался Розарий с радостными тайнами в дни работы над Алтарем Марии и другими статуями Богородицы, а Розарий со славными тайнами – в дни работы над скульптурами Спасителя и евангелистов. Тогда в душе его царил гармония, и не отягощали никакие сомнения. Но вот уже четвёртую неделю пребывания в казематах крепости постоянно мысленно проговаривал только Розарий Марии со скорбными тайнами-размышлениями о предсмертном борении в Гефсиманском саду, бичевании Иисуса Христа, увенчании терниями, крестном пути и смерти на кресте.

Все события из жизни Спасителя на земле полны сокровенного смысла, насыщенного поучением и благодатью, и который постигается лишь постепенно. Чётков не было, но старый Мастер пытался загибать распухшими пальцами каждую декаду молитв Богородице о тайне Иисуса Христа, свершённой через распятие. Пальцы едва шевелились, руки до самых плеч сводило судорогой. Ему приходилось нещадно разминать их, чтобы был приток крови. Это помогало переносить муки и страдания не только тела, но и души.

Когда вдруг после Скорбных тайн Розария начал читать молитвы о Славных тайнах: о воскресении Иисуса Христа, о вознесении Его, о сошествии Святого Духа, об успении Девы Марии и увенчании Её небесной славой, старый скульптор понял, что останется живым.

(Из книги «Францисканергассе 1, или чего могло не быть...»)

Принявший достойно в свой адрес злословье,
Обидчикам мудро желает здоровья.
Всяк тратит лишь то, чем душа его полнится.
Подобие – главное в мире условье!

Словоблудие

Прежде было чертыханье чаще:
«Черт с тобой!», «Вот, Черт!», посыл к их «матери».
Атеизм увёл людей от Бога,
Вырастив гордыню у народа.
Но сейчас пришло другое время –
Многие очнулись от безверия...
Раньше против Бога протестуя,
Нынче просто поминают всуе.
«Ох, ты! Господи!», «Бог с ним!» – без почитанья.
Без костей язык – не оправданье!

Отказаться от познания сути слов –
Впредь лишиться Богом посланных даров!

Желать делиться благами не сложно.
И в помыслах любить весь мир возможно.
Но только действия являют нашу суть –
Одни слова без дела всегда ложны.

На устах слова – что зеркала.
Наша суть наглядно в них видна.
Разве может быть врагом язык,
Когда мудрость в нём и доброта?

Легко отшутиться: язык без костей!
С нехваткой ума согласиться сложней.
Как часто бездумно бросают: «Бог с ним!»,
Господни дары прогоняя взащей.

Кто всегда озабочен тщеславьем, признаньем,
Кто беспечно жонглирует, сыплет словами,
Тот в плену словоблудия и пустословия,
Дар Творца – Его Слово предает поруганью.

О сути Слова

Нынешнее время требует от каждого чистоты мысли, перехода на более качественный уровень развития своего сознания. Мы сами рисуем своё бытие – своими деяниями, намерениями, характерами. Потому ответственны за наши дела, мысли и сказанные слова, и нужна осознанная работа со Словом, когда основным качеством речи человека является благозвучие.

Язык является одним из средств выражения сути человека. И очень важно осознание слова, постижение его внутренней сути, его правильное применение. Это позволит человеку быть в неискаженной реальности.

Вот только для начала нужно научиться слышать («*слышать*» – воспринимать слово душой, а не только «*слушать*» – воспринимать слово ушами), что произносит человек, и знать какое слово и когда можно использовать.

Кстати, в разговоре слова *используем* или *употребляем*? В первом слове присутствует «польза», а у второго в союзниках – слова *злоупотребить* (употребить во зло), *потреблять* (использовать для удовлетворения потребностей),

сквернословить (употреблять скверные, непристойные слова), *непотребный* (неприличный, непристойный). А теперь обратим внимание на суть слов, обозначающих наши действия: «*молчать*» – наполнять чашу возможностей, «*кричать*» – творить чашу кривого (чашу бедствий). Что есть жизнь для многих как не суета: все *бегом, сбегать, пробежаться* (по магазинам, глазами по тексту), *шарахаться, перечить* и прочее. Может, если вникнуть в суть таких слов, появится желание изменить жизнь к лучшему? «*Суета*» – сила, уничтожающая Тайну, «*бег*» – движение без Господа, «*шарахаться*» – хаос вносить в души, ранить хаосом, «*перечить*» – проявлять своим словом силы тьмы. Представьте только, каким силам можно открыть вход в вашу жизнь, если *ахать* и восклицать: «*ужас*», «*кошмар*», «*плохо*». «*Ахать*» – создавать хаос, «*ужас*» – жало смерти, «*кошмар*» – вред мрака, разрушительный вред, «*плохо*» – плод хаоса. Часто ли обращается внимание на силу, сидящую в словах «*беспокойство*», «*беседа*», «*бесплатно*», «*беспомощный*», «*беспощадный*», «*бесправие*», «*бессилие*»?

Сила слова была потеряна, и человек бросает слова на ветер. Тем самым он распыляет творческий потенциал, безвозвратно теряет свою внутреннюю силу. Человек потерял способность творить Словом. Говорение перестало быть преображающим действительность процессом, превратилось в словоблудие. А словоблудие – липкая, ментальная паутина, заволаживающая, вводящая в дремотное состояние, лишаящая человека жизненных сил. Лишь в норме звучание речи человека способствует развитию и преображению жизни – благо звучит.

Кто-то, постигая суть Слова, управляет языком. А у кого-то язык управляет обстоятельствами его жизни.

Непременным условием внутреннего преображения является отказ человека от грязных, бранных слов.

«Не течет из одного родника горькая и сладкая вода, так и уста человека, произносящего хулу, не могут прославлять Господа», – говорится в Священном Писании.

Сейчас от нас требуется осознанная работа со Словом.

Чистота речи = норма литературного языка + нравственная сторона нашего сознания.

Предложенная информация к размышлению вызвала улыбку? Так «улыбка» – качество улучшения Бытия!

(использован «Словарь Сути Слов» В.П.Гоча)

Когда задача есть *сказать*
Глас и в пустыне будет слышен.
Ну а тщеславию потакать –
Удел незавидный – излишне.

Творец, прости нам суету
И помоги возжечь глаголом,
Моим собратьям по перу
Стать рыцарями Сути Слова!

Судьба

Чтобы принять судьбу, с невзгодами смириться,
Знай, что минуло – не должно с тобой случиться.
А то, что не смогло по жизни миновать –
Оно должно было с тобою приключиться.

Две судьбы – два варианта жизни.
Каждый волен сделать выбор сам:
Как себя всегда любить всех ближних,
Иль позволить управлять страстям.

Если не в себе искать причину
Неудач, своих ошибок, бед,
Ждать подвоха и удара в спину –
То источника духовной жизни нет.

Оправдать свою несостоятельность
И в делах, и в жизни, и в семье,
Обвинив кого-то, – нежелательно –
Вариант тяжёлый по судьбе.

Но когда – анализ каждодневный
И оценка действиям своим,
Пред Творцом отчёт наш неперемный
В мастерстве, в служении другим,

Воспрятье должное событий,
Виден промысел Создателя и план,
Благодарность как потребность жизни –
Вот судьбы высокой вариант!

Управляют судьбой обстоятельства,
Где еще не пришла состоятельность
Будут грабли познания лбу маяком
И проверкою на проницательность.

Не сложилась судьба. Одиночество.
Ни любви, ни общенья не хочется.
Осуждение, зависть, уныние ...
Так в душе гасит свет богоборчество.

Суета

Закрутила, одолела суета –
Добровольно принятое рабство,
Неприкаянность души и маета.
И какое тут спасёт лекарство?
Ворох дел, над суетой нет власти,
Бег по кругу – и года летят.
Беспристрастны стрелки на запястье,
Слуги времени не повернутся вспять.

Помощь, вряд ли, подойдет извне.
Только мудрость – внутренняя сила.
Лишь раскроешь этот дар в себе □
Воспаришь над суетой постылой.

Тьму сомнений всегда прогоняет рассвет.
Утро дарит искомый разумный совет.
Испытанье – в терпении ждать перемен.
Суета, недоверие душам во вред.

Мы в суете проводим дни беспечно.
Но некто в нас есть, мудростью отмечен.
Глас интуиции не слышен в шуме дня.
В молчанье быть – себя услышать легче.

Всё мне позволительно, но не всё полезно.
Жизнь – подарок Господа, относись любезно.
Суета же цепко и бездумно правит,
И душе и телу находя болезни.

Лишь в тишине внутри нас слышен глас.
Он просит в суете покоя шанс,
Поразмышлять, замедлить жизни темп.
За чем гнались – само догонит нас.

Нашим миром правит суета.
В буднях дней не нужно два крыла.
Взору вверх мешают быта сласти.
Что ты спишь, восстань, душа моя!

Счастье

Каждый мечтает о счастье –
Царстве радужном света,
Где нет ни горечи, ни печали.
Лишь ощущение полёта,
Над облаками паренье
Там, где в мерцании звёзд
Сотканный Млечный путь.
Иль как стремленье-познание
Жизни предначертанья
Там, где желанья заветные
В очередь ждут исполнения,
Как и задумки творчества.

Счастье есть детство беспечное
С нежной улыбкою мамы,
Где на руках надёжнейших
В сон уютно вплываешь,
Или находишь под ёлкой
Очень желанный подарок.

Счастье – лучиком солнечным
Нежно скользить по ресницам,
Как осязанье губами за ухом
Пульса наполненного биенье.
Чтобы любовью влекомый
Жадно прильнуть к единственной,
Каплей сверкающего водопада
Быть ожиданьем слиянья томимым.

Счастье – ладонью нащупать
Жизни под сердцем биение.
Это нырянье в глубины
Знания нужных решений.
Счастье – закрыть двери в прошлое,
Там, где потери, боли и горечь.
Счастье – это возможность:
Время безмерное проживая,
Дать много больше,
Чем сам получаешь,
Знать, что содеянным добрую
Память надолго оставишь.
Счастье – увидеть спины детей,
Кутаясь в шаль созвездий,
Благословить их, тебя обогнавших
На пути стремления к Свету.

Что мешает быть счастливым?
Недовольство внешним миром
Без любви и без смиренья,
Без желанья быть терпимым?..

Свобода – это делать то, что любишь,
Ни ближних, ни события не судишь.
Любить же то, что делаешь, есть счастье –
Своим потенциалом Свету служишь.

Талант

Имеет каждый свой потенциал.
Его реализация – задача.
А кто процессы творчества познал,
С любовью станет делать всё иначе.

Искать гармонию и красоту,
Светлеть и быть душой богаче,
Плодами славу воздавать Творцу
И видеть каждый день удачей.
Глазам земным на помощь зренья Духа.
Он помогает расширять сознание,
Звучанье сфер наградой явит слуху.
Ведь красота есть Света осознанье!

Счастье – получить талант от Бога
И развить, любовью умножая.
Проложить к Со-Творчеству дорогу –
Вот задача жизни непростая!

Говорят – талант от Бога,
Словно некая печать.
Но зато и спросу много,
Чтоб в гордыню не упасть.
Всё, что сотворили руки, –
В этом промысел Отца.
Красота – дорога к Сути –
Чистит души и сердца.
Тут – не личная удача:
Мастер только труд вложил,
Чётко выполнив задачу,
И в Со-Творчество вступил.

Уход

В памяти час предрассветный,
Но ты не шагнула в утро –
Время твоё любимое,
Стало тебе запретным.
Нити меж нами со стоном
Рвались, концы кровоточили.
Взмах твой прощальный с прощением –
Знак расставанья бессрочного.
Хладный покой проникает
В жизнь дышавшее тело.
Это последнее Таинство –
В вечность душа улетела.
Ныне черёд ритуалу –
Помощь пред бездною горя,
Мысли о расставании нам
Страшнее цунами на море.

Как позабыть несказанное?
Как отдать недолюбленное?
Вечной разлукой наказана.
Твой уход неминуемый.
В памяти утро стылое.
Я, как рожденная заново
В жизнь без тебя сиротливую,
Путь свой продолжу,
Мама моя...

Дано мне счастье – провожая в дальний путь,
В последний раз к родным устам прильнуть,
Поймать излёт последнего дыханья
В тот жуткий час с тобою расставанья.
Когда-то ты мне подарила свет.
Тебе глаза закрыв, шепчу молитву в след.
Мама...

Опять зима сменяется весной.
Летят года, где нет тебя со мною.
Уж безысходность мукою не гложет,
Утраты горечь сердце не корежит.
Живешь во мне ты, в памяти архиве,
Хоть пребываешь в чудном Божьем Мире,
Откуда некогда и я пришла к тебе,
Чтоб стать благословением в судьбе.
В молитве для тебя о милосердьи
Я уповаю на души бессмертье.
Любовь моя разлуку нам облегчит –
Тебя, быть может, в правнучке я встречу.
Мама...

Свет свечи

В дату памятную я свечу зажгу.
Всю любовь к тебе в её свет вложу.

Не затмят его мириады звёзд
И забвение, пелена из грёз.

Беспредельный мир разделяет нас:
Не услышишь зов, не услышу глас.

Но биенье пульса моего уловишь,
Как меня носила ты под сердцем, помнишь.

О тебе в молитвах я взываю к Богу:
Огоньку свечи моей укажи дорогу!

Дальше

Утро в измороси и туманное.
Мама рядом нет... чувство странное...

Как учиться жить без её любви?
В сердце страха лёд, вера, растопи.
От горячих слёз поступь зыбкая –
Не подхватит как в детстве с улыбкою.

Жизнь теченье своё не замедлила.
Уж головушку мне посеребрила.
Вот и радости с внуком познала я.
В жизнь – из жизни порог – встреча с мамою...

Учитель

(Лука, гл.10)

Учитель в доме. Марфа сбилась с ног.
Как быть достойной этой благодати?
Рук не хватает, и полна тревог.
Тут помощь от Марии была б кстати.

Сестра сидит в кругу учеников,
Любое слово ловит с уст Иисуса.
До слёз обидно Марфе, нелегко,
Что нет возможности со всеми слушать.

Но ей сказал Учитель душ готовых:
– Об очень многом суетишься, Марфа.
Уважить гостя – толика заботы.
Усердие с гордыней дружат славно!

Одно лишь надо главным почитать,
То, что Марией избрано, – *благое*.
И впитанное духом – не отнять.
Из жизни *это* унесёшь с собою.

Две ипостаси – Марфа и Мария,
Хозяйка или в вере ученица.
И выбор твой: крепить ли духу крылья,
Чтоб на пути к Отцу не оступиться.

С Учителем не просто повстречаться.
Он в жизнь твою придёт, коль ты готов.
Не торопись же Марфою остаться,
Как только ступит Он к тебе под кров!

Фома неверующий

Когда к ученикам своим
Воскресший Иисус явился,
Не сразу ими узнан был,
Поскольку каждый усомнился.
Невероятное событие
Не всякий разум мог вместить:
Ведь смерть поправ, пришел Учитель,
Что заповедано свершить.

Отсутствовал Фома-Апостол
На тот момент среди собратьев,
Сказал, поверить сможет просто,
Увидев лишь следы распятия.
Имел он веру не слабее,
Чем у других учеников,
И если высказал сомненье –
Постичь был чудо не готов.

Но лишь Иисуса зов услышал
Дотронуться священных ран,
Сомнений не осталось лишних,
Уверовал тотчас Фома.
И доказал своею жизнью,
Благую проповедь понёс
Народам Азии и в Индию –
Создать там Церковь довелось.

Как вышло – символом сомнений
Фома неверующий стал?
Без веры вынесешь гоненья,
На копьях смерть свою приняв?

Чистота

В душе заложено стремление к чистоте.
Её гнетут страдания, обиды.
Из страхов цепи ткнут канву судьбе,
Из-за сомнений верный путь не виден.

Ко всем претензий всех не перечесть,
Всегда на поводу у эгоизма.
И недоверие не даст Благою весть
Принять как круг спасенья в жизни.

Кто, как ни сам – защитник у души?
Кто ей расправит крылья для полёта,
С любовью к ней на помощь поспешит,
Чтоб не увязла в суете, в заботах?

Свет радости впустить давно пора.
Он для души и лекарь и опора.
И чисто всё ж не там, где чистят всякий раз,
А только там, где попросту не сорят.

Эгоизм

Кто осмелится ветер назвать эгоистом?
Его действия в силу природы воинственны.
У особы же ветреной самовлюблённой
Из амбиций, капризов путь жизни тернистый.

Застит свет во мне коварный враг обида,
Душа в самости своей недалновидна,
Себялюбие хватает дух за горло –
Эгоизму отдавать поводья стыдно.

Эгоизм – без сомненья плохая черта.
Эгоисту вниманье должно быть всегда.
Он несносен в желанье быть центром Вселенной
Ведь всё время он думает... не про меня!

Кому лестны признания, зависть, почёт,
Кто мечтает о славе все дни напролёт,
Наслаждаясь сарказмом, унижить суждёньем, –
Эгоист всегда будет духовный банкрот.

При себялюбии источник жизни пуст,
И всем ветрам открыт бесплодный голый куст.
Коль к совершенству нет пути, стремленья –
Заставить жить других как ты – тяжелый груз.

Велико наслаждение тем, что уж есть.
Победителю в жизни привилегий не счесть.
Только чувство острее от того во сто крат:
Он – владелец того, что другим не иметь.

Песчинка в дюнах, шорох в плеске волн,
Средь мириадоз звёзд один фотон.
Кто есть я в мирозданье обретенном,
Чтоб эгоизм тягался мой с Творцом?

Эмиграция

Во все века люди перемещались с места на место. Кто открывал новые земли, кто руководствовался экономическими соображениями, кого выталкивали политические обстоятельства, разногласия с окружающим социумом.

Германия – перекрёсток Европы для таких миграционных потоков. И здесь есть богатая возможность для изучения психологии мигрантов. Люди иммигрировали, приехав в эту страну на постоянное место жительства, но считают себя эмигрантами, которым просто не может быть не присуща ностальгия.

К примеру, наши прежние соотечественники в разговорах часто называют себя эмигрантами. Стало быть, они по-прежнему позиционируют себя по отношению к стране, из которой они уехали. Многие так и остаются «на чемоданах»: и оттуда не уехали полностью и сюда не приехали насовсем. Такие – в плену у ностальгии со своей тоской по родине, тоской по прошлому. Ностальгия мешает присутствию в реальной жизни, дает искажённое видение окружения, замыкает на прошлом, делает и реальность, и будущее зыбкими и неустойчивыми. В лучшем случае эти люди как бы застыли с повёрнутой назад головой, в противном – двигаются, распознавая путь затылком. А потом те, кто обращён тылом к будущему, навстречу жизни, недоумевают, отчего улыбки Фортуны не для них, отчего жизнь – сплошное преодоление препятствий.

Пусть некоторые психологи и говорят, что ностальгия даже играет позитивную роль в жизни человека и общества, так как сохраняет моральные ценности прошлого, «примиряет» в общественном сознании прошлое с настоящим, и обеспечивает преемственность традиций. Только пришло время понять, что ностальгия – это *явление направления*

Воли в старое, в прошлое (по Словарю Сути Слов). Это даёт жёсткость в восприятии ситуации, включает в себя субъективные оценки и ошибки того, кто вспоминает. Это вообще уход с духовного пути.

В эмиграции изоляция – это только личное решение человека. Либо самодостаточность как подстава эгоизма, либо страх от жизни, удаление от неё, замыкание в узком кругу бывших соотечественников, домашних проблем и культивируемой ностальгии о былых возможностях и профессиональных успехах.

Вот и получается, что миграция – это условие для дальнейшего познания аспектов человеческого бытия, которые не могут быть познаны другим путём, кроме как изучение и понимание менталитета нового окружения при непрерывной толерантности и любви к человеку как божьему созданию.

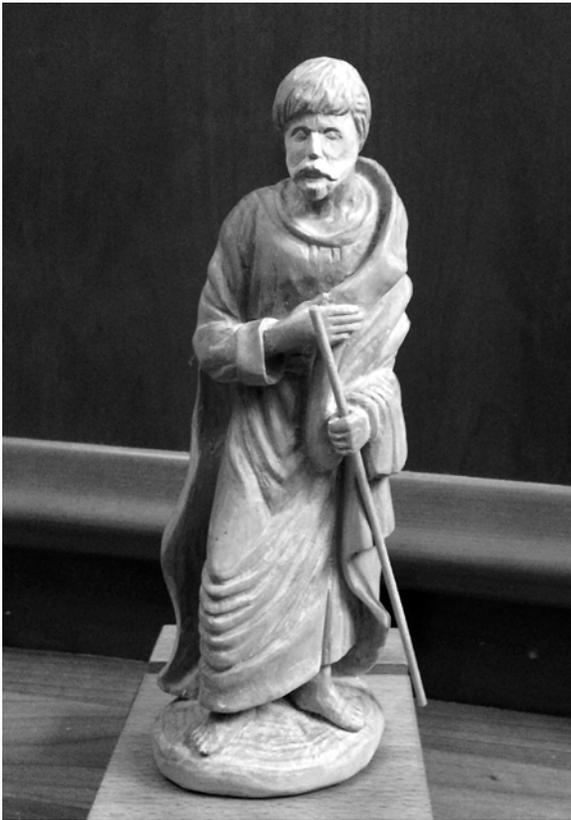
Юродивый

Все в плену у комфорта и информации.
Осознать – не у каждого мудрости хватит.
Поглотила реклама цивилизацию.
Вновь телец золотой символом благодати.

Кто готов ныне к подвигу религиозному –
Отрешиться от благ и мирской суеты
И навлечь на себя оскорблений,
Юродствуя и над властью, и над кумиром толпы?

Кто попробует глупым казаться, безумным?
Суть у слов затерялась в сетях словоблудия.
И себя только каждый считает разумным.
Миром правят гордыня и самолюбие.

А блаженный, юродивый Господа славит –
И сердечный восторг как прилив в полнолуние –
Не противится злу, добродетель скрывает.
Мудрость мира сего – перед Богом безумие.

Притчи

Притча о благе

Путь двум монахам предстоял неблизкий.
Возникший спор не угасал весь день.
Кто из двоих намного ближе к истине:
Иметь ли блага или не иметь?
Один считал имущество условием
Нормальной жизни, знаний постиженья.
Другому – это горше, чем неволя.
Он видел истину лишь в самоотреченье.

Под вечер путь пересекла река.
Монах-аскет призвал дожидаться утра,
Ночь провести в молитвенных трудах,
Коль денег нет, – а утро всегда мудро!
Его собрата страх толкал вперёд
(Среди зверей и змей в ночи тревожно)
К другому берегу, где безопасность ждёт.
Дать лодочнику деньги есть возможность.

Когда река осталась позади,
Другой монах сказал аскету-брату:
– Ты понял, – деньги нашу жизнь спасли?
А если бы их не было для платы?
– Но обрели мы безопасность эту,
Благодаря отказу твоему, –
С деньгами ты расстался, внося плату.
И твой карман стал другом моему.
Пусть денег нет, я вовсе не страдаю.
Есть вера в истину: всегда поможет Бог!
В момент нужды поддержку получаю –
Всё, что необходимо, то придёт!

Два виденья, две крайности – примером.
Где истина? Какой к ней ближе край?
Живи всегда с надеждою и верой,
А в деле мудрым будь и не плошай!

Притча о вере

Однажды выдалось засушливое лето.
Весь урожай, все травы выгорали.
Давно о тучах позабыло небо.
И все в природе капли влаги ждали.
Собрались в Храме на молебен люди.
Дела совсем уж стали не ахти:
Жара и засуха у всех посева губит.
Как отмолить у Господа грехи?
Чтоб Всемогущий Бог послал им помощь,
Они готовы службы отстоять
И вдруг увидели в руках ребёнка зонтик,
Над детскою наивностью смеясь.
На что ребёнок очень удивлённый
Спросил, о чём же все молитвы их,
Когда всем миром этот Храм заполнен?
И разве все не за дождём пришли?

Уста ребёнка истину глаголют:
С какою целью ходят люди в храм?
Чего хотят? О чём у Бога молят?
По Вере *нашей* пусть же будет нам!

Притча о гармонии

Три мудреца однажды речь вели:
Что если кто-то бросил бы в них камень,
То как бы реагировать смогли,
Достойно ситуацию исправить.
– В меня пусть бросят камень! Силой мысли
Я изменю направленность полета.
И пролетит он мимо, – поразмыслив,
Промолвил первый, – тут и дел всего-то!
Второй ответил:
– Я же постараюсь,
Чтоб этот камень человек не поднял.
Пусть всеми силами своими, напрягаясь,
И от земли-то оторвать не смог бы.
А третий молвил о своем стремленье
В гармонии с Вселенной находиться.
Тогда и не возникнет опасенья,
Желанья бросить камень не случится.

Легко винить других в своих проблемах,
Поверхностны сужденья, суетливы.
Когда свой вклад увидим в жизни схемах,
Тогда претензий станет меньше к миру.

Притча о желаниях

Во сне однажды женщине приснилось,
Что в магазине дивном очутилась,
И безгранично радостна была,
Что за прилавком встретила Творца.
– О, Господи, неужто это Ты?!
И что же можно тут приобрести?

Доброжелательно ответствовал Господь:
– Здесь каждый что-нибудь себе найдёт.
– Тогда дай мне любви, здоровья, счастья,
Успеха, денег – нашей жизни сладостей.
Бог улыбнулся, – слышал Он не раз! –
И удалился выполнять заказ.
Минуты двигались по-черепашьи...
Вернулся он с коробочкой бумажной.
– И это всё?! – удивлена бескрайне,
Обескураженная разочарованьем.
– Да. Это всё! Как знать ты не могла? –
Здесь продаются только семена!

Отец! Своим созданиям прости,
Что *сами* блага не спешим взрастить.
Сомнения, желанья, суета –
И в плен душа заложницей взята!

Притча о познании истины

Один старик жил некогда в селенье.
Был у него скакун – вождя желанье.
Не захотел расстаться с ним за деньги,
И конь исчез как будто в наказание.
«И денег нет, и скакуна лишился!», –
На смех селяне подняли его.
Старик в ответ раздумьем поделился:
«Всей истины познать нам не дано!»

Но через месяц, нагулявшись вволю,
Скакун привел с собою кобылиц.
Средь радости, завистливого воя
Кричали люди: «Повезло, старик!»

Судьбою вдруг обласканный, удачей,
Своим соседям вновь твердит одно:
«Кто знает, что такое счастье? –
Всей истины познать нам не дано!»

Раз сын его, кобылу объезжая,
На землю сброшен был и в кровь разбит.
Старик, на сострадания отвечая,
«Всей истины нам не познать!», – твердит.

Но вот селенье странник посетил,
Сумел он парня на ноги поднять.
Старик на поздравленья пояснил:
«Всей истины нам не дано познать!»

И сын единственный сказал ему: «Отец!
Прости меня, благослови в дорогу.
Хочу познать я жизнь, как тот мудрец.
Он повидал всего на свете много».

Старик с любовью сына отпустил,
Не зная, сможет ли ещё его обнять,
А изумлённым людям объяснил:
«Всей истины нам не дано познать!»

Давать оценку часто мы спешим
Добру и злу, иль истине и лжи.
За малым мы не видим мир большим,
Когда лишь свои выводы важны.

Притча о выборе креста

От тяжких жизненных невзгод
Взмолился Богу человеке:
– Просвета нет из года в год.
Позволь мне выбрать крест полегче?

Творец с улыбкою завёл
В хранилище – крестов собранье,
Чтоб по желанию нашёл
Легчайший крест Его создание.
Был долгим выбор. Наконец,
Крест найден очень лёгкий, малый.
– Могу я *этот* взять, Отец?
– Конечно, ведь он твой, *тот самый!*

Так все мы ищем лёгкий крест,
Хотим избежать жизни тягость,
Хотим услышать благовест,
А в души не пускаем радость.

Претензий, жалоб – воз сверх меры,
В своих желаньях суетливы,
И часто не хватает веры –
Господь задачи шлёт по силам!

Притча об обмане

По дороге шла толпа людей.
Молчаливо каждый нёс свой крест.
Лишь один был всех других хитрей
И решил облегчить ноши вес.
Приотстав, хитро нырнул он в лес,

Сократил умело часть креста,
Посчитал себя умнее всех,
Налегке догнав их без труда.
Когда пропасть преградила путь,
Люди по своим крестам прошли.
Лишь себя хитрец смог обмануть –
Не хватило спиленной длины.

У обмана ноги коротки.
От уловок тяжелей кресту.
Путь по жизни с ложью не пройти
И не быть над пропастью мосту!

Притча о плате

Хозяин раз послал слугу на рынок.
Тот нерадиво выполнил задание.
Вернулся он назад с протухшей рыбой,
Тем самым, заработав наказание.
Хозяин плату предложил на выбор:
Съесть рыбу или сто ударов палкой,
Иль впредь, чтоб неповадно было,
Отдать 100 мин, коль трудно со смекалкой.
Слуга решил, что легче съесть всю рыбу.
Но скоро стало худо так бедняге,
Решил исправить свой поспешный выбор –
Побои выдержать, набрав отваги.
Но где-то на седьмом десятке палок,
Взмолилось истово несчастное создание.
И сто монет отдать уже не жалко,
Чтоб прекратилось плоти истязание.
Слуга не избежал урока платы,
Уловками лишь усложнив свой путь:

Гнилья отведал, палкой был обласкан
И деньги всё равно пришлось вернуть.

Вот так работают законы кармы –
Поступок каждый нужно оплатить.
И выбор может стать самообманом –
Во вред искать окольные пути.
Мудрее стать всем надлежит когда-то,
И не спешить с расчётом без труда.
И надо знать, что денежная плата
Бывает самой лёгкой иногда.

Притча об умении видеть помощь

Жил человек, достаточно грешивший,
(Всему когда-то настанет черёд)
И вот предстал он пред Всевышним,
Претензий предъявляя счёт:
Не всякий раз он ощущал поддержку,
Не сразу также помощь получал,
Потратил жизнь на суету и спешку
И всё каких-то благ от неба ждал.

Бог показал ему пустыней карту жизни.
По ней тянулся след от двух пар ног.
И вдруг следы попутчика исчезли.
«Ты не всегда со мною был, мой Бог!»
Творец ему ответил терпеливо,
Прощая многое, любя своё дитя:
«Вот здесь тебе идти так трудно было,
Что нёс я долго на руках тебя!»

Отец! Прости нам прегрешенья наши.
Упрямы, суетны, капризны мы,
И за собою тащим день вчерашний,
И путаем все помыслы Твои.
Создатель! Помоги мне быть достойной
Твоей любви, заботы и тепла,
Того Пути, что будет в жизни пройден,
Чтобы к Тебе я с Верою пришла!

Притча о счастье

Бог слепил из глины человека.
Как прекрасно удалось создание!
Без запретов мудрая опека
Даст ему возможности познания.

Труд Творца наполнил мир плодами.
Лишь остался глиняный комочек.
– Что ещё слепить? Твоё желанье?
И в работе тем поставим точку.

Поразмыслил человек немного:
– Я прошу Тебя слепить мне счастье.
На ладонь комок положен Богом:
– В этом ты уж сам прими участие!

Мы вольны в поступке и желанье.
Лишь бы не было в душе смятенья.
Счастье каждый лепит со стараньем,
А наградою – благословенье!

Притча о точках зрения

Какими разными бывают точки зренья –
В них жизни принцип, человека суть.
У каждого своё предназначенье
И лишь один ему присущий *путь*.

Как-то участника строительства спросили:
Что за работу выполняет он?
Тот без охоты пояснил уныло:
«Горбачусь тут, какой в камнях резон?!»

Другой свою определил задачу:
Он здесь работает, чтоб обеспечить жизнь.
Ответил третий, радость излучавший:
« Я строю Храм – душе дорогу ввысь!»

Творец, открой нам заблужденья наши!
Тщеславье, лень, суетных будней план
Пусть заберет с собою день вчерашний.
А в новом дне пусть каждый строит Храм!

Притча о становлении

Когда-то юноша в одном селенье
Любил красавицу, но безответно.
Сердца давали все ей во владенье,
Она ж гордыню тешила заметно.
А он мечтал привлечь её вниманье:
Военным стал, на подвиги готовый,
Смог отличиться рвением и стараньем
И получил чин офицера вскоре.

Прелестница же к чину равнодушна.
В угоду ей надумал стать богатым,
К её ногам мир положить послушным.
Он создал дело, стал известным, знатным.
Но и к подаркам дева равнодушна.
Решенье новое избрал мужчина:
Искать в краях далёких знания нужно
И странствовать по свету есть причина.

Вернулся много лет спустя в селенье,
Не поспешил к возлюбленной на встречу,
А стал спокойно жить в уединенье
И многим судьбы мудростью облегчил.

Шло время – испытание гордыни –
Красавицу лишило окруженья.
Уж зеркало не прятало морщины,
И бесполезны стали ухищренья.

И дева поспешила к мудрецу.
Сама спросила, не возьмёт ли в жёны?
Тот согласился – свой черёд всему.
У Господа на всё свои законы.
В округе возмущенье велико:
«Взять ту, что причинила столько зла?»
Мудрец в ответ: " Я вижу лишь одно -
Её заслуга в том, каким я стал".

Порою негодуем на того,
Кто в нашей жизни создаёт преграды,
Не видим – это нам Творцом дано –
Условье роста Духа как награда.

Притча о двух монахах и женщине

Путь двум монахам преградил ручей.
Пред ним в раздумье женщина стояла
С надеждой перебраться поскорей.
И тут вдруг помощь ей судьба послала.

Монах постарше, подхватил на руки,
Вброд перейдя, на землю опустил.
А младший же, испытывая муки,
Товарища поступок осудил.
Когда пора пришла искать ночлег,
Он всё ж не смог сдержаться от упрёка:
«Брат, нам до женщин прикасаться грех,
А ты её нёс на руках так долго!»

В ответ другой промолвил удивлённо:
« Я перенёс её, оставив у ручья.
А ты же тащишь грузом тяжеленным
Её с собой, до сей поры неся!»

Отец наш! Ты открой нам мудрость:
Проблему встретив, разрешить тот час,
А не тащить с собой, являя глупость,
Ошибку повторяя много раз!

Притчи из книги «Чувства и эмоции»

Блуд

Ни одно место в городе не притягивало так своей загадочностью как усадьба *Вожделения*, или как с обожанием называли его – Дядюшка Во. Личность это была известнейшая, упоминавшаяся уже в древних ведических трактатах, не подвластная времени и обстоятельствам.

Таинственность была щедро разлита в воздухе и заставляла учащенно биться сердца всех приближавшихся к сплошь увитой плющом высокой ажурной ограде. Чугунные с затейливым вензелем ворота почти всегда оставались широко распахнутыми для бесчисленных экипажей, машин, велосипедов и просто любопытствующих, открывая дорогу к террасе с колоннами.

Огромный викторианского стиля особняк с башенками, выступами, балкончиками, со множеством узких окон самой причудливой формы, крышей с острыми углами, в подражание готической архитектуре, по виду напоминал небезызвестный мистический дом Сары Винчестер.

Обитавшие там многочисленные родственники Дядюшки Во: *страсти, желания, влечения, удовольствия, похоть, удовлетворение, сладострастие, блуд* имели много друзей и неисчислимую толпу поклонников.

Всем хватало места и для общения и для уединения. Роскошный с богатством декора внутри и снаружи дом насчитывал больше полутора сотен комнат. Были там и двери в никуда, окна в полу, лестницы, упирающиеся в потолок, длинные изогнутые коридоры, много эркеров и каминов. В иных комнатах скрытые в толстенных стенах винтовые лестницы, уводили в странное, полное мистики, подземелье с царившим там Коллективным Бессознательным.

Ныне всемирно известному Диснейленду со всевозможными аттракционами вряд ли удалось бы перещеголять многообразие заманчивых развлечений, наполняющих усадьбу Вожделения.

«Всем, кто пришёл в это счастливое место: „Добро пожаловать!“» Диснейленд – это ваша страна. Здесь воскресают прекрасные воспоминания стариков, и здесь молодые могут вдохнуть вызов и обещания будущего. Диснейленд посвящается идеалам, мечтам и реальным событиям...» – такая афиша у входа в парках Диснея вряд ли могла бы отразить и толику того, что можно было встретить и получить у Дядюшки Во.

Всем известно, у *Вожделения* просто неиссякаемый источник радости и вдохновения, энергия, которая манипулирует миром, жизнью, определяет почти все мотивы человека и от которой нет никакой гарантии уберечься. Малейшая неосторожность, и можно оказаться в водовороте! Ни возраст, ни болезнь, ни умеренность не уберегут от неконтролируемого влечения. Это просто настоящая магия, которая действует подсознательно.

Для всех самыми желанными часами общения были посиделки у огромного камина в центральной зале, куда стекались послушать удивительные истории, которыми делился дядюшка Во. А ему было, что поведать из множества в веках случившихся событий.

И был у дядюшки *Вожделения* любимый племянник *Блуд* – тот ещё проказник. Ловкий обманщик, принимавший любой облик (будучи в женском облики, назывался *Блудь*). Он являл собою две ипостаси. В первой – это был путаник, блудяга, заставлявший уклоняться от прямого праведного пути и сбиваться с дороги тех, кто сознательно или нет нарушал запреты, правила поведения в любом про-

странстве жизни. Сколько раз он водил человека до изнеможения, издеваясь над ним, заставлял плутать, увлекал в какое-нибудь непроходимое место. Во второй – управитель-распорядитель неиссякаемой энергии всех сексуальных утех вне норм и морали, увлекал теперь уже в распутство, заставлял потакать ему, диктуя свою волю, добиваясь удовлетворения. Многие стремились к удовольствию, ставя на первое место исполнение воли *Блуда*, подчиняясь его управлению.

Собственно вторая ипостась имела несравненно большую известность. Кому как не *Блуду* все обязаны знакомством с Удовольствием, Удовлетворением, Удачей, Удалью и даже с Занудством - поскольку во всех них его определяющее похотливое участие. А так как любому изначально присуще бессознательное стремление к получению удовольствия, то мало находилось смельчаков, не идущих на поводу у подобных искусителей, желаний.

Именно благодаря удовольствию от физических ощущений не одна цивилизация потеряла себя среди постоянной нехватки любви, тоски по ней, но когда в избытке обиды, озлобленность, недовольство, зависть и сладострастие.

Потакающий *Блуду* грешит против собственного тела. И если чувствам удалось взять верх над рассудком, в ожидании от переживаний, доставляющих удовольствие, от *Блуда* уже ничто не защитит: ни юность, ни старость, ни болезнь. Отдаться ему, позволив завладеть сознанием, – это действительно опасно. Оттого не зря и во всех религиях воздержание считается греховным. Каждый принимает блудные помыслы, получает раны и побеждает в борьбе с ними. Если же нет, то падает.

А ведь был и такой слух, что *Блуд* – это демон, скинутый с неба, но не успевший долететь до земли и зависший в воздухе.

Вина и Стыд

Вина и *Стыд* дружили с детства и были так похожи, что их даже часто путали.

Но вот от других они всегда легко отличались понуро опущенными плечами и сжатыми кулаками. Их постоянно одолевали страхи, вызывая учащённое сердцебиение, постоянное напряжение всех мышц. Для *Вины* это был страх наказания, осуждения, страх не оправдать возложенные на неё ожидания, а для *Стыда* – страх быть покинутым, брошенным, никому не нужным.

Много времени проводили *Вина* и *Стыд* вместе, прячась ото всех, почти не включая в своё общение других. *Стыд* вообще не упускал случая улизнуть из поля зрения, стать невидимым. Пока был маленьким, всегда стремился спрятать лицо. Повзрослев же, обнаружил у себя накатывающее желание проваливаться сквозь землю. Это потому, что чувствовал себя словно выставленным на всеобщее обозрение, видимым для других в неподобающем состоянии, да и вообще каким-то не таким, опозоренным, ничемным неудачником. *Вине* были знакомы такие чувства. Только у неё переживания сопровождались тягостным ощущением себя плохой, злой, порочной. Сама себя ругая, считала, что сделала что-то не так, что не достигла цели.

Вот и было им интересно только друг с другом. Позже, правда, у *Вины* появилась подружка *Обида*, и они стали убегать от *Стыда*, забывать про него. Это вызывало у *Стыда* нечто похожее на ревность, пока не заметил, что парочку чаще стали обижать в его отсутствие. Тогда он стал опекать их. Но те и сами, обороняясь, всегда в ответ норовили искать виноватых, потому что любое страдание вызывает защитное поведение. Впрочем, *Стыд* сам также

часто защищал себя словами: «Мне стыдно за то, что сделал, но посмотрите на других, они не лучше меня!».

Шло время, которое лишь добавляло нашим героям ощущения неполноценности, зависимости от мнения других людей и собственных заниженных самооенок. Всё это приводило к болезненным переживаниям после любых оплошностей. Причем для *Вины* было всё равно: случалось ли такое при свидетелях или без них, просто реагировала на муки совести из-за своего поведения. А вот *Стыд* всегда боялся публичного осуждения, наличия свидетелей. Негативная оценка самому себе добавляла разочарования, ощущения своей неуместности, смущения и робости. Но не мешала временами быть высокомерным и гордым. Так он пытался отделиться ото всех, чтобы прикрыться иллюзией собственной исключительности или пофигизма. Если бы не присутствие в его жизни *Вины*, было бы полное ощущение изоляции, отверженности, потерянности.

Однако в последнее время *Стыд* заметил, что с *Виной* стало что-то происходить. Она избегала общений, днями напролёт не выходила из дома, даже его сторонилась.

Он с болью отметил, как ещё более согбенными стали у неё плечи, словно от непомерного груза, как скованны движения, постоянно опущенный взгляд. А *Стыду* так хотелось, чтобы исчезла с её лица маска виноватости. Он пробовал расшевелить *Вину*, но та все больше погружалась в депрессию, винила себя во всем. *Стыд* видел, в какие строгие рамки загнала она себя и сама же наказывала за свои проступки.

И вот однажды наступил момент, когда *Вина* уже не могла больше справляться с агрессией, направленной на себя. Её бесконечное самоуничижение просто превратилось в способ восприятия мира. Стремление к самонаказа-

нию жестоко лишало уверенности в себе, снижало самооценку. Уныние, пессимизм опустошали и отнимали энергию. Она даже призналась *Стыду*, что из-за постоянного самокопания и самобичевания жизнь уже не радует, что не видит смысла в дальнейшем, не верит будущему.

Собственные переживания увиделись *Стыду* такими пустячными на фоне горестных переживаний *Вины*. Он явно увидел, как депрессия поедала его подругу.

Кинулся тогда *Стыд* за советами к приятелям-знакомым. И те подсказали обратиться к Мудрости. Только вот отыскать её было не так-то просто. Уединилась та от суетности и тщеты скоротечной жизни в труднодоступные для сутолоки и беспокойства горы. Отправился к ней *Стыд*. Долго ли, коротко ли, но нашёл он уединение Мудрости за снежными шапками гор.

Выслушала она *Стыд*, участливо посмотрела на него, призадумалась.

Чувство сострадания всегда делает любые положения дел лучше. И умение сострадать не так уж просто, не является врожденным, оно формируется обстоятельствами жизни.

– Вижу, *Стыд*, ты готов взять на себя часть боли, которую испытывает *Вина*, чтобы ей стало лучше. Проявленное тобой сострадание может помочь вам обоим. И это твой собственный шанс развить доброту, смирение, освободиться от гордыни, обид, озлобленности, опереться на свои лучшие качества. Может, пришло время появлению радости, да и смысла в жизни от сознания собственных возможностей в помощи другому. Многого ты о себе ещё не знаешь. Например, в тебе есть сила, поддерживающая и добродетель. И ты можешь быть добродетельным. Это значит

испытывать стыд, когда ты ведёшь себя хуже, чем ты есть на самом деле.

Мудрость взглянула на задумавшегося *Стыда*.

– Ну, а *Вине* может помочь только раскаяние. Это, конечно, сожаление, что поступала не должным образом, но и признание, что можно бы поступить и по-другому, правильно. Не поедом себя должна есть, а пусть это будет сознательным самоосуждением. Все ошибаются и совершают неправильные поступки. Но если постоянно грызть себя, заниматься самокопанием, самобичеванием, пытаться успокоить совесть в суете дел или самооправдании – это тупиковые пути в уныние и депрессию. Настоящее раскаяние сопровождается радикальным пересмотром своих взглядов и системы ценностей. Это всегда уоперемена. Она открывает будущее.

Поблагодарил *Стыд* Мудрость, низко поклонился и поспешил обратно к *Вине*. Он знал теперь, что скажет ей и как поможет.

Отныне *Стыд* и *Вина* будут сдерживать других от неблагоприятных поступков, помогая избавляться от отрицательных личностных качеств, побуждать к выполнению должных обязанностей по отношению к другим и жизни. *Вина* будет помогать исправлять ошибки, будучи терпимой к себе и окружающим, а у *Стыда* просто не будет одновременно присутствовать в жизни и недовольство собой, и недоверие к другим. Вместе они будут давать много сил и энергии, которые можно направить не на подавление чувств, а на преобразование мира вокруг.

Гнев

Давно это было. Жила-была семья в радости и согласии. И росли там два брата: старший Умник и младший Озорник. Их матушка доживала последние дни, готовя сорванцам в подарок сестрёнку Надежду, когда случилось непоправимое.

Каждому свой срок отмерен: кому ухода, а кому прихода. Мать не успела даже на дитя полюбоваться, как душа её отлетела. Горе обрушилось на семью, пробуя каждого на крепость.

Удар для отца. Но нажитая долгими годами мудрость облегчила потерю философским пониманием бренности существования. Да и обязательства за детей не оставляли места унынию, хотя и укрепляли в жестокосердии.

Потрясение для старшего брата, который впервые узрел и понял скоротечность жизни, неумолимость смерти, забирающей самого дорогого человека.

Эмоциональный шок у младшего брата, оказавшегося в плену у негодования, которое словно окатывало кипятком несправедливости. Жизнь вдруг отобрала «незыблемое», ценное, ушла почва из-под ног, а в душе, решившей, что весь мир ополчился против, закипела на всех злость,

А нового члена семьи, не одарившего ожидаемой надеждой, приняли как Досаду.

Жизнь продолжалась. Глава семьи ещё больше по уши погрузился в заботы.

Умник совсем в себя ушел, так что даже брата в свой внутренний мир не допускал, забаррикадировавшись защищаемым эгоизмом.

А Озорник люто на всё и на всех обиделся. Особенно рассердился на судьбу, так как уже не чувствовал себя в безопасности без матери, впервые ощутив страх за своё су-

ществование. Ведь он остался без материнской любви, которая прежде нежно снимала с него дрожащие одежды опасений и эгоизма. Упреки к Создателю всё более превращались в претензии к его Промыслу и разрастались в неуважительное отношение. Гнев рос в бунтаре, заполняя его, вытесняя доброту и радость, которые мать с любовью вложила. И очень скоро забылось его прежнее имя, уже не отражавшее сути, поменявшись на новое – *Гнев*.

Бешенство, возмущение, вспыльчивость, раздражение, ярость и злопамятность стали окружением в сиротстве. Дальше – больше. Когда пришла пора чувственных ожиданий, он временами ещё маскировал агрессию в надежде получить энергию любви. Когда ожидания не оправдывались, *Гнев* загорался, словно спичка или вдруг в нём оживал вулкан. Темперамент характера не мог служить оправданием, всегда готовый неистово вырваться наружу, заливая всё вокруг лавой негатива и пеплом разрушения. Страстный спорщик, злопамятный, жаждущий отмщения – он слышал только своё ущемлённое эго, потому самомнение, самолюбие, завышенная самооценка были частыми причинами обидчивости *Гнева*. Легко быть спокойным и снисходительным, когда тебя все хвалят. Малейшее же замечание сразу обнажает нутро.

Временами *Гнев* был, словно одержим бесами. Стал губить отношения, судьбы близких, а потом и тех, кто попался навстречу. В иные моменты вдруг осознавал, что его куда-то несёт, но остановиться уже не мог.

Родные давно сторонились его от греха подальше, уж больно злостью переполнен. Только сестрёнка *Досада* за него цеплялась и боялась далеко отходить. Так и стали они самыми близкими на всем белом свете.

Вот только у *Гнева* было всегда слишком горячее дыхание, распирало его жар внутренний, да так, что *Досада* ря-

дом тоже распалась. Всё зло его было в неуёмной и неконтролируемой силе – энергии разрушения и саморазрушения.

Ах, как бы гасило охлаждающее действие Души, которая помогала бы *Гневу* разумно и взвешенно воспринимать его такую эмоционально-чувственную природу.

Но от неё, как и ото всего другого, зорко и хищно стерегли его *Злоба*, *Враждебность* и *Ярость*, не оставляя одного без присмотра ни на секунду. Они без спроса поселились у него, окрутили своими чарами недовольства, страха, нетерпимости, раздражения, вины и даже стыда, и каждая старалась взять верх над соперницами.

Когда *Гнева* охватывала *Враждебность*, мог накричать, огрызнуться на домашних, возвести хулу на Создателя. Когда же побеждала *Злоба*, она проникала в его сердце. Тогда оба изнывали от безмерного самолюбия. Он заметно глупел, слышать ничего не хотел и злопамятно выжидал случаи для мщения. А вот когда им овладевала *Ярость*, это переходило в неконтролируемое бешенство, иступление.

И такое зло от этих эмоций по сию пору...

Гордыня духовная

Жил один мудрец. К нему многие обращались за советами и помощью, приходили послушать его беседы с учениками. Он щедро делился своими знаниями, обретённым опытом, доступно излагал о мироустроении, законах жизни, задачах воплощений душ на земле, обладал даром целительства. Этот кладёзь премудрости был приверженцем одной научной школы, часто и помногу рассказывал о цели их учения, расширяя круг последователей. Правда, порою резко высказывал суждения о некоторых духовных

практиках, мировоззрениях, не соглашаясь с иными точками зрения.

Достаточно категоричен был он и в оценке греховности людской, усложнявшей жизнь и являвшейся серьёзной преградой на пути духовного восхождения. Особо мудрец не жаловал *Гордыню*, вокруг которой помимо других библейских грехов – *Гнева*, *Алчности*, *Зависти*, *Блуда*, *Чревоугодия*, *Уныния* – толпились ещё и *Высокомерие*, *Эгоизм*, *Равнодушие*, *Нетерпимость*, *Тщеславие*. Он отмечал присутствие *Гордыни* практически у каждого, как и во многих жизненных коллизиях и не упускал случая бичевать этот главный из грехов человечества. Его суровые проповеди помогли многим. Сколько их было, кто, критикуя, самоуверенно полагали, что уполномочены судить других, и никоим образом не видели в том проявление гордыни. А были и такие, кто упрямо считали себя единственными, кто знали, как всё делать правильно, и выполняли всё сами лишь потому, что никто больше не может сделать это также хорошо. Другие, не соглашаясь с очевидным, создавали оправдания для себя, будучи неспособными признавать себя неправыми, игнорируя советы мудрых.

Любое проявление *Гордыни* – это демонстрация заносчивого узкого взгляда на мир, иллюзии, созданной через человеческое эго невежеством и духовной слепотой. И уж непременно *Гордыня* там, где есть рассуждения о том, что один человек лучше, чем другой, или один прав, а другой неправ.

Мудрый старец считал своей задачей показать все сокрытые проявления этого вездесущего греха. Особенно для своих учеников, имеющих духовный стимул быть совершеннее, развить своё сознание, быть ближе к Богу – источнику существования, открыть тайны природы, а вовсе не стремление выделиться среди других. Ибо люди вольны

выбирать как духовный рост, так и погружение в пучину зла и греха.

И однажды приснился мыслителю сон. Огромная площадь, запруженная народом, равно жаждавшим как хлеба, так и зрелища.

Мудрец в окружении своих учеников поднялся на сооруженный помост, по обе стороны которого увидел собранные здесь узнаваемые образы людских эмоций и чувств. И даже тут среди них соблюдалась чёткая иерархия: кто-то был на виду, а кто-то укрывался в их тени. Со всех сторон взоры собравшихся непременно упирались в самую авторитетную заносчивую *Гордыню*.

Когда людской гомон поутих, мудрец неистово яростно принялся обличать *Гордыню*, особенно упирая на её себялюбие, гонор, хвастовство, изворотливость. В этот раз он превзошёл самого себя. Да так, что от его указующего перста и гневной критики, поддержанной собравшимися, их бурной реакцией, выкриками, рукоплесканиями, надменная *Гордыня* неожиданно в слезах бежала прочь.

Усталый, но довольный своей проповедью и радостью, казалось облегчённо вздохнувших, людей, мудрец возвратился домой. Ученики оставили его одного, да он и рад был ещё раз насладиться своей победой над главнейшим грехом, своей бескомпромиссностью. Но неожиданно навстречу вышла очаровательная незнакомка, смутно напоминавшая кого-то. Выказывая глубочайшее почтение, приветливо пригласила к трапезе. Весь вечер гостя была учтивая и предупредительная, и общение представлялось сплошным удовольствием – он по обыкновению делился мудростью, а она не пробовала перебивать его.

Однако, выслушав о событиях на площади, заинтересовано спросила:

– И не жалко изгнанницу *Гордыню*? Так ли уж она зловредна, ведь её присутствие всегда раскрашивает другие эмоции, а многим даёт и мотивацию для успешных свершений?

Мудрец был удивлён таким крамольным вопросом и пустился в разъяснения, что избавление от *Гордыни* необходимо и нельзя упускать шанс для многих раз и навсегда от неё отделаться. Ему-то она не капкан, а вот для других – очень даже хитроумная западня.

– Вы вполне правы. Любому видно, как вы достаточно ответственны за свои мысли, слова и поступки перед другими. Ведь все ваши слова и рекомендации опробованы, прожиты вами в буквальном смысле. Невозможно упрекнуть вас в отсутствии ответственности. И наработанной мудрости достаточно уже, чтобы расширять полученные знания вашей Школы, распространять их, да к тому же не искать новых.

– Успела заметить, – продолжала дальше гостя, – как вам чуждо чувство любви к себе. Ведь что есть для вас главное? Конечно же, ощущение «нужности», важность признания ваших заслуг. Опять-таки, через отражение других, их преклонение перед вашей мудростью получаете удовлетворение, хотя вполне осознаете, что управление или контроль над другими всегда тешат тщеславие. Охотно разделяю и ваше убеждение, что информация дается для избранных, не для всех.

Мудрец с нескрываемым удивлением посмотрел на неё, пытаясь разобраться, что стоит за её комплиментами, виртуозно, искусно, словно бальзамом, умащающими душу.

– А ведь я знаю, – не умолкала между тем собеседница, – что есть слово, которое страшит вас, если сорвется с ва-

ших уст. Слово «не знаю». Почему? Ведь вы уверены, что знаете человека, можете предположить его поступки, так как вам хорошо известна психология эгоизма. Вами уже достигнуты вершины мудрости, и наверняка ощущение, что знаете всё о людях, приносит удовлетворение, и ваше любомудрие общепризнанно. Потому вас называют учителем, просветлённым.

Мудрый старец внезапно поймал себя на мысли, что уж очень медоточивы слова прелестницы.

– Любезная гостя, а тебя-то как величать, такая всеведущая чаровница?

– *Духовной Гордыней* зовут меня те, кто смог близко завести знакомство со мной. А от своей сестрицы *Простогордыни* отличаюсь тем, что не со всяким имею дело. Это ей достаёт обычного поклонения, зависти, а меня привлекает прельщение и возможность пленения духовно продвинутых людей. Моей сестрице интересны глупцы, фанатики, эгоисты-себялюбцы, жадные до благ. А я если и привечаю жадных, так тех, которые жадны до знаний, до информации, до методик духовных. К тому же я ведь дружна со многими мистиками и религиозными деятелями, о которых упоминали ещё христианские подвижники, считающие меня ловушкой самоуничужения. К слову, близко я знакома и с небезызвестным вам падшим ангелом, чьё непомерное самопочитание и самолюбование, толкнуло противопоставить себя и прямо пойти против воли Создателя. Хотя иные считают его возгордившимся ангелом, павшим на уровне духовной гордыни за собственные идеалы, при этом из чистой любви к Богу.

В проявившемся самодовольстве *Духовной Гордыни*, её непомерном тщеславии мудрецу неожиданно предстали накрывшая его духовная слепота и собственное духовное

невежество, в котором, как оказалось, он пребывал. Причём все это в образе хищника внутри него, лакомящегося не только энергией мыслителя, но и энергией окружающих. Раскрытая драконова пасть оскалилась на старца улыбкой чаровницы.

Ужас и ошеломление поначалу навели оторопь на мудреца. Но чем более глубок и пронзителен был взгляд в себя, тем заметнее съеживалась и медленно отступала *Гордыня*.

И вот уже удалось вырваться из сна. Сердце колотилось в такт с вопросами «как так случилось?», «что исказило его восприятие духовных истин?», «как глубоко он увяз в самомнении?», «какую медвежью услугу оказал он своим ученикам поспешными безоговорочными суждениями?».

Выпил старец студёной воды, призадумался.

Так вот какая она коварная духовная прелестница. Это же пребывание в иллюзорном неосознании в себе гордыни, постоянное ощущение собственной избранности, исключительности, непомерное тщеславие. И в ряду её качеств – духовная жадность, желание охватить необозримое, рассеивание усилий на множество проектов. Вот только к Служению это не имеет никакого отношения.

Воистину, тем, кем овладела *Духовная Гордыня*, нелегко дается отслеживать и свои эмоциональные реакции – гнев, обиду, раздражение на все обучающие уроки, преподносимые стремящимся к духовным высотам. Так или иначе, надлежит пройти испытание на чувство собственной важности, истинного достоинства и отнюдь не в привычном человеческом понимании. У поднявшихся на высокие духовные уровни есть дар – знать, предсказывать поступки эго. И тут поджидает западня. При ощущении себя учителем, знающим всё о людях, возникает иллюзия информированности во всём. На самом деле эта одна из вели-

чайших иллюзий *Духовной Гордыни* идёт от страха перед неизвестностью, который просто завуалирован под психологическую маску, прозванной знанием человеческой природы. А ежели у такого мыслителя возникают ощущения, что познал и увидел достаточно, и мало что может ещё удивлять – так это духовная усталость. И она просто блокирует творческую, да и сердечную энергии.

Легко Сизифовым камнем скатиться с тропы восхождения, думая, что вы лучше, чем другие, относясь к ним с позиции всезнайки, торопясь с жёсткой оценкой чего-либо, что не согласуется с вашими убеждениями. А скорости ему добавят ещё и самоуверенность, неспособность признавать, что вы не правы, стремление взять всё под контроль и управление другими.

Заполненная раздумьями ночь подходила к рассвету, но погружённый в мысли мудрец не замечал этого. Много ещё тонких проявлений *Духовной Гордыни*, заманивающих в капкан, открылись ему. К примеру, осуждение других точек зрения, учений, образа жизни и идеологии других людей – это ведь так заносчивая особа защищает от расширения миропонимания, пытаясь убедить, что другие люди живут неправильно. Потому и не предполагалось доверия к их знаниям. Да и вообще, когда полученных знаний достаточно, уж лучше их расширять, зачем изучать и распространять новые.

Или также часто встречающийся признак *Духовной Гордыни* – уютное удобное привыкание, что уже и перемен особых не нужно и всего достаточно уже изучено. Какая-то консервативность по отношению к новым знаниям-методикам. Не пошёл дальше – остался поживать на комфортных привычных лаврах.

Духовная Гордыня страшна в своей изошрённости. А потому и кара за неё гораздо сильнее. Только вот Созда-

тель не карает. Ему просто не виден крепко опутанный сетями *Гордыни*. Куда тогда послать помощь? Вот и получается, наказывает себя сам человек. Неужто, только болезнь и может основательно встряхнуть, чтобы осыпалось всё надстроенное *эгоизмом* и *гордыней* в нашем сознании.

Так можно ли одолеть гордыню, помочь себе? Для этого нужна честность, смелость и безжалостность по отношению к себе самому.

Духовная Гордыня может быть преодолена мудростью, обретенной просветлением. Просветление же приходит только через знание. А уж его-то можно получить только через смирение. Если кто-то пребывает в *Гордыне*, то смирение – самая далёкая вещь от их разума. Когда любой человек беспристрастно видит все вещи и осознает божественное равенство всех существ, он обладает противоядием *Гордыне*.

Теперь будет что сказать просветлённому мудрецу ожидающим ученикам о многоликости каверзной *Духовной Гордыни*. Он назовёт им лучший внутренний определитель гордыни каждого – это проверить, насколько тот обеспокоен чужой гордыней.

Из-за горной гряды поднялось солнце, великодушно плеснув золотистыми брызгами на готовый к новому дню и новым изменениям город.

Жадность

Жила-была бездетная *Корысть*. Много чего у неё в доме было, а вот смеха детского не доставало. Чего она только не предпринимала, только все усилия понапрасну.

Задумалась тогда она крепко: может, чего-то в ней самой не достает? Ну, там любви бескорыстной, тепла сер-

дечного, заботы не о себе. И пошла к мудрецу за советом. Тот увидел сразу и взгляд цепко охватывающий, оценивающий, и рук нетерпеливое движение от желания что-то поиметь.

– Все больше думаете, голубушка, о том, чего у вас ещё нет. Наоборот надо бы: есть то и то, пятое-десятое, чего бы им не поделиться? других порадовать? пора уже отдавать научиться! Может, потому и дитя не спешит, чтобы ему жадным не родиться.

Прислушалась *Корысть*. Щедрее стала, добросердечней. А там – и материнство наградой. И так уж стало приятно это новое ощущение от родной долгожданной кровиночки, что решила – этим своим личным делиться, уж точно, не станет. Больше ничем делиться не будет. Все – теперь только ребенку.

Как мудрец предрёк, так и случилось. Родилась *Жадность*.

Чем больше подрастала, тем больше ей всего хотелось. Родительница игрушками, нарядами, деликатесами закидала – не высвободиться. А крошке всё мало. Уже и бока округлились, ушки из-за щёк не видны. Колобком по дому каталась, да только свободного пространства от вещей всё меньше становилось.

Мать налюбоваться не могла, восхищалась ею ежедневно, любила безмерно. А *Жадности* хотелось также и от других любовь получать. Да только друзей как-то и не водилось. Однако же воздыхатели личную жизнь разнообразили, но всё потому, что *Жадность* не хотела чего-нибудь из опыта взрослой жизни упустить, не досчитаться. Очень уж любви хотелось настоящей, да всё никак не удавалось заполнить её.

Но, видно, пришел срок и для такого жизненного урока. Влюбилась *Жадность* всем сердцем. Да так, что испытала

ранее незнакомое чувство – делиться с любимым, со всеми, с целым светом радостью своей немереной.

Избранника звали *Эгоизмом*. Он, правда, гораздо старше был, да к тому же женат. Да только видно в браке с *Гордыней* что-то разладилось, потому что все в округе стали поговаривать о его романе со *Страстью*. Больно было слышать о таком *Жадности*, но решила всё одно дожидаться своего часа, хотя сызмальства ожидание желаемого и терпение давались с большим трудом.

Только уж верным-то *Эгоизм* вряд ли можно было назвать. Разве мог себя любимого постоянством обременять? Не утаиваемые вздыхания *Жадности* привлекли внимание ловеласа, польстили. Ох, и много же чего кинула к его ногам *Жадность*, даже впервые всю себя отдать не пожалела. Вот только не собиралась она его больше ни с кем делить. Алчна была до его улыбок, комплиментов, объятий. В своём чрезмерном желании обладания не заметила она, как перестали устраивать *Эгоизма* границы их отношений, её стремление полностью владеть им и притязания на чувственность, удовольствия, влечения возлюбленного. Самовлюблённому и самодостаточному *Эгоизму* нужно было не обременённое времяпровождение, возможность выбора досуга, свободное и комфортное личное пространство. А пространства-то едва для самой *Жадности* хватало. Скупой она не была. И это подтверждали множество нарядов, подарков, которыми баловала любимого. Где-то среди всех этих развалов вещей затерялись и впрок набранные детские вещи с игрушками, так и не получившие своего владельца, оставшегося в химерных мечтах. Ну что же, присвоить заведомо чужое не получилось, чужой муж своим не стал.

Опять любимые *Жадностью* сумерки накрыли город.

Свет включать не хотелось, иначе взору сразу предстанет, как давно не было генеральной уборки, когда хотя бы что-то сдвигалось, убиралось с захламленных мест, расчищая место последующим. Жилище её давно напоминало этакий безразмерный сундук, до верха набитый всевозможными вещами. Дорогие наряды известных модельных брендов заполнили шкафы вперемешку с одеждой из дискаунтов, драгоценные украшения с бижутерией захватили бесчисленные шкатулки и ларцы, фирменная электроника с азиатским ширпотребом заняла мебель и стены, уникальные альбомы по искусству, придавленные сверху комиксами и любовными романами, оставили не так уж и много места несметным безделушкам на стеллажах. Много чего нахватала и успела позабыть, но не оттого, что припрятала. Просто в таком неорганизованном и захламленном пространстве трудно было что-то отыскать. Проще заново купить.

Не заметила *Жадность*, что жизнь её, по сути, стала адом на этом складе товаров. Если прежде хотя бы возникло желание немного навести порядок, то сейчас рядом нет того, ради кого захотелось бы такое сделать. Впрочем, и в воспоминаниях такой же сумбур, такая же свалка эмоций из конфетно-букетного начала, страстно-упоительного времяпровождения, шокирующе-ревностных поисков следов измены, истерично-унизительного расставания.

Как же до слез обидно, жалко себя, что вот так приходится коротать время у несостоявшегося семейного очага и вспоминать все неосуществленные намерения, просвистевшие мимо.

Потакая всем прихотям, желаниям, мечтам, *Жадности* своевременно не открыли истины – ничто нового не придёт туда, где среди старого ему не будет места. Будущего

не стоит дожидаться там, где прошлое до краёв заполнено лишними эмоциями, воспоминаниями, вещами.

Собственно вещи, как и их оплата – это всё энергия, которую нельзя ни удерживать, ни присвоить. Ею можно только делиться, поддерживая тем самым закон равновесия. Может, опыт ошибок привлечёт мудрость, которая подскажет перестать себя жадно жалеть, а попробовать освободить и пространство жилища, и пространство жизни от заразительного вещизма...

Зависть

Яркий луч, не остановленный шторой, заставил зажмуриться и спугнул сон. Комфортного перехода ото сна к яви не было. Привычное раздражение уже караулило у изголовья.

Солнечные брызги отражались в зеркалах и хрустальных подвесках светильников, озорно осыпаясь на причудливо выложенные мраморные плиты, ещё не все заставленные бесчисленными произведениями искусства.

Из всех знакомых чувств и эмоций одна *Зависть* обладала таким роскошным особняком, заполненным немислимым количеством воплощённых желаний.

Всё диковинное, что появлялось там, приносило лишь короткое удовлетворение, которое тут же сменялось алчным стремлением заполучить чего-то другого.

Залетевшая оса, привлечённая пряным запахом изысканных букетов, досаждала жужжанием. Будто нарочно из парка в раскрытые окна вторил ей стрёкот газонокосилки, распугавший привычное кваканье любимых жаб.

Словом, день не задался. Бледно-зеленоватый цвет лица, вечно поджатая ниточка губ выигрышной смотрелись в

хмурую пасмурную погоду. Недовольство было обычным состоянием *Зависти* вот уже не одну тысячу лет. Не то чтобы возраст сказывался – по сию пору востребована и актуальна. Мало кто мог бы похвастаться таким количеством поклонников.

Первым, кого она увлекла, был Люцифер. Вскоре за ним последовал смуглый, черноволосый с недобрым прищуром завидующих глаз – Каин, посчитавший, что его жертвоприношение не было оценено по достоинству, и так позавидовавший своему добродушному брату Авелю, что переступил границу Согласия с Богом, став первым братоубийцей. Ну а дальше уже и остальные пошли чередом. К примеру, братья, продавшие Иосифа в рабство, Сальери, поговаривают, не простивший Моцарту гениальности, плеяда коронованных особ и не только, из зависти совершивших убийства родственников, чтобы завладеть тронном. Покопавшись в памяти можно вытащить множество воспоминаний, когда, завидуя, люди творили беззакония, в первую очередь по отношению к своим бессмертным душам.

Зависти нравилось считать себя неотъемлемой частью человеческой природы, одной из востребованных чувств. Она и её свита, состоящая из *Ненависти*, *Предательства*, *Интриги*, *Сожаления* о чужом благе, *Раздражения* и *Уныния*, на протяжении веков наполняли сердца и души людей. И получалось, что все в той или иной степени подвержены этому греху. Ведь только самодостаточный человек может жить, не сравнивая себя с кем-то: свои успехи – с чужими, свои достоинства – с достоинствами других людей.

А у остальных всегда найдётся какое-то количество потребностей, которые проблемно удовлетворить, или амбиций, страдающих от чужого превосходства. Тут же спешит на помощь *Эгоизм*, убеждающий, что промахи и недостатки не от собственной слабости и лени, а от несправедливо-

сти судьбы, которая вместо нас почему-то благодетельствовала других.

Может, потому и долгожительствует коварная *Зависть*, оттого что с лихвой питается энергиями неиссякаемых эмоций своих подопечных, им самим сокращая отмеренное время пребывания в жизни, о чём многие так и остаются в неведении. А она смакует ощущения, которыми беспрерывно наполняется. Их предостаточно: кого-то мучит зависть к одарённому таланту, у кого-то – скорбь по благополучию успешных, кто-то, отягощённый комплексами под завязку, завидует лёгкости окружающих, кто-то изнывает от зависти к красоте или гармоничным отношениям, а кого-то просто слепит от радости счастливых людей, грызут достижения других.

Зависть ненасытна и всеядна. Скажем, для неё обычное завистливое чувство в какой-нибудь социальной сети к успешной эмиграции – это что-то вроде порции традиционной овсянки у англичан. Или возвращаемые телевизионной рекламой завистливые желания навязываемых товаров – как неременная чашка утреннего кофе. Достаточно постная пища – обычное завидующее чувство к благополучию соседа, недруга.

Однако *Зависти* по душе было изысканное лакомство – когда кто-то заставлял завидовать себе, стараясь вызвать восхищение у других или доверительными речами возмущать спокойствие в их душах. К примеру, мало супермодели заставить каких-то толстухек завидовать её стройной фигуре, а вот довести до булемии своих коллег по цеху – изыск – как необычный острый вкус – имбирь в шоколаде. Или взять политика, окрылённого подскочившим рейтингом, вызывающего до инфаркта острейшее чувство зависти у доселе успешного соперника, но споткнувшегося на каких-нибудь реформах.

К таким *Зависть* питала особую трепетную слабость. Они приносили в её жизнь моменты возбуждения. Априори радости или праздника не было в её природе.

Интуиция

Когда Творец вдохнул жизнь в своё создание, то добавил в помощники шесть чувств – *Обоняние, Осязание, Вкус, Слух, Зрение* и *Интуицию*. Все трудились в поте лица, кроме очаровательной *Интуиции*. Она нередко оставалась без дела и потому скучала, мысленно уносилась в другую реальность, наслаждаясь своей исключительностью. Жизнь стремительно развивалась, оставляя у обочины тех, кто не вписывался в её ритм и необходимость. Потом настали трудные времена для выживания, и пятеро чувств стали самыми незаменимыми помощниками у человека. А *Интуиция*, всё чаще оставалась невостребованной, её не тревожили за ненадобностью. И совсем скоро она впала в депрессию, путая уже, где явь, где грёзы. И, наконец, случилось так, что *Интуиция* заснула беспробудным сном. Повздыхали, попечалились чувства, сколько могли, а потом создали для спящей *Интуиции* усыпальницу далеко-далеко, чтобы ничто не могло потревожить её сон. Шло время. Появилось множество других чувств, эмоций – и помогающих, и мешающих устоявшейся жизни, однако уважение к пятерке старейшин сохранилось. И вот однажды молодцу *Инсайту* привиделось во сне одно сакральное место – хрустальные покои, где почивала в забытии прекрасная таинственная *Интуиция*. И захотелось ему разыскать этот мираж. Долго ли коротко ли, но нашёл он усыпальницу. Вот только разбудить красавицу ну никак не получалось. И тогда воззвал он к Творцу: отчего такое прекрасное чувствование должно находиться в спячке, когда

все вокруг так закоснели в своём материализме, привязанные к мирским благам, что ощущают себя свободными только в грёзах. Услышал его Мироустроитель и решил дать ещё шанс своим созданиям, чтобы возвращенная им *Интуиция* стала для душ проводником, открывающим каждому собственный микрокосм.

С той поры повсюду появляются путешествующие рука об руку *Интуиция* и *Инсайт*, напоминая людям, что не только материальное главное в жизни, что существует некая другая реальность, в которой ничто не исчезает даже с прекращением физического существования. Они выводят всех ищущих на дорогу познания не только законов Бытия, но и себя самих в первую очередь. Остальные чувства не сразу, без большой охоты, но стали признавать их верховенство.

Любознательность и Любопытство

Жили-были у тётушки *Мудрости* две племянницы-двойняшки. Обеих Любавами звали. Тетушка в них души не чаяла. Смышленные, энергичные и добродушные. Всё в их руках спорилось.

Старшая Любава, потому как родилась на несколько минут раньше сестры, была самая прилежная. Как никто в их окружении она много читала, имела живой интерес ко всему, что может дать новые впечатления и знания. Всё старалась узнать лучше родословную, события истории, отразившиеся в судьбах семьи. Когда увидела, что тетушка ведёт дневниковые записи, поинтересовалась, возможно ли будет когда-нибудь прочитать их.

Младшая же, непоседа, не искала знаний по книжкам, а любила допытываться: что и как. Она тоже много расспрашивала о родне, только её больше интересовали отноше-

ния между родственниками, кто был самый красивый, кто самый богатый и успешный, были ли в семейных преданиях какие-нибудь жуткие тайны или любовные истории и что такого тетушка пишет в своём дневнике, закрывая его потом в секретере. Её жгучий интерес подстегивался подглядываниями и подслушиваниями.

Много размышляла *Мудрость*, как случилось, что сестры внешне одинаковые как две капли воды, были совершенно не похожи друг на друга по складу ума. Одна она различала их не по виду и голосам, а по вопросам, какие они задавали. Оттого и прозвала старшую *Любознательность*, а младшую – *Любопытство*.

Быстро летело время. Ладные, статные расцвели Любавы. Отбою от женихов не было. Насмешницы, иногда подменяли друг друга на свиданиях, забавляясь смущением кавалеров, когда те до сумасшедшего сердцебиения не могли узнать свою зазнобу. Сколько бы так ещё продолжалось, да только вот случилось сёстрам влюбиться в одного задержавшегося в их краях странствующего пилигрима. Этот чужеземец всюду приковывал внимание своими повествованиями и обширными познаниями. За многие годы скитаний он столько всего повстречал на своём пути.

Сёстры готовы были часами слушать его – очень уж пришёлся по душе обеим Любавам. Да и странник обратил внимание на сестёр-красавиц. Приглянулись они ему, общение с ними доставляло удовольствие. Удивляло пилигрима, что их путали, принимая одну за другую. Сметливый ум сразу увидел разницу между *Любознательностью* и *Любопытством*. В долгих странствиях набирая жизненный опыт, он вместе с тем изучал многие характеры, закономерности и коллизии взаимоотношений.

Так в *Любознательности* его привлекала открытость души и разума, активный интерес к окружающему миру, явлениям, людям, готовность прислушиваться и учиться у них. Даже увидел в ней собственный ненасытный голод: узнать и понять всё, что можно о жизни, себе и окружающем мире, стремление к приобретению новых знаний. Ведомо ему было, что такое страстное желание не приходит просто так: оно требует терпения и решимости думать, размышлять над сложными вопросами и не пугаться даже затянувшихся ответов на них. Потому радовало в *Любознательности* увлечение саморазвитием, вызывавшее охоту меняться, становиться лучше. Она привлекала в общении своим интересом и вниманием к собеседнику, а главное – доверием по отношению к жизни и окружающим людям. Это, несомненно, качества доброго человека, ведь злоба и любознательность несовместимы.

За младшей сестрой также было интересно наблюдать. И в ней странник подметил бессознательное стремление к познанию, любовь к неведомой истине. Только вот чем надёжнее была сокрыта эта истина, тем сильнее всепоглощающий интерес. Однако он знал, что наибольшее любопытство связано с глубоким и ненасытным желанием овладеть неведомым. И если у изучающего науки такое было побудителем смелости отойти от сложившихся убеждений и вступить в полный неопределённости и сомнений мир, то у многих других лишь породило привычку простого подглядывания в замочную скважину. Всё же для *Любопытства* вот такой приятный волнующий интерес – вряд ли добродетель. Ведь стремление выяснить в подробностях, зачастую малозначительных, что-нибудь новое, вызнать что-то, знать чего не имеешь права, быть осведомлённым о чужих грехах и тайнах, по сути, оскорбляет право ближнего знать то, что ему одному принадлежит. Бес-

цельная пытливость бывает виновнее осуждения какой-нибудь слабости у другого. Но для *Любопытства* дотошность в узнавании секретов всегда была приятной и волнующей. Пилигрим же уклонялся от её пытливых расспросов, как не поддерживал и разговоры из праздного любопытства, хотя искренний интерес и добродушие младшей сестры всегда располагали к ней.

А с *Любознательностью* ему нравилось делиться знаниями, своим пониманием жизни, воспоминаниями о паломничестве к сакральным местам. То, что старшей сестре уделялось больше внимания и времени, конечно, вызывало ревность у младшей, провоцируя злость и желание, уж лучше чтобы чужестранец поскорее исчез из их жизни.

Совсем скоро пришло время следовать страннику дальше. Сердечно простился он с сёстрами, унося в памяти их самое доброе к себе расположение. Однако подспудно пытался разобраться в появлении у себя какого-то нового чувства, побуждавшего к знакомству с собственным сердцем.

Да только сёстрам нелегко далось расставание с любимым пилигримом. Наблюдая за ними, раздумывала тетушка, как-то скажется на их судьбах полученные сердечные раны, сколько времени понадобится на их заживление.

Любознательность долго смотрела вслед страннику с крепостной стены, пока тот спускался в долину и не исчез за излучиной реки. Она перебирала в памяти его рассказы об устройстве мироздания, законах жизни, общении единомышленников и понимала, что любовь для неё – прежде всего награда, хотя и трудное испытание.

Если чувство может привязать человека к месту, посягнуть на его свободу, стало быть, это не любовь настоящая. А *Любознательность* любила всем сердцем, потому пони-

мала и принимала образ жизни странника, благословляя, молилась за его долгий путь.

Любопытство же проревела до заката солнца, потом взглянула в зеркало на припухшие веки и подумала, неужели от любви бывает такая боль. Неужто сердце пилигрима не сжималось от подобной боли в минуты расставания? Что же делать ей со своей любовью, если от неё такие страдания? Как с этим можно смириться? Разве эгоистично желать и добиваться взаимной любви? Очень любопытно, как её сестрица чувствует разлуку с любимым. Как эта любозная принимает и объясняет для себя крушение надежд и будущее без пилигрима? Или у них какая-то общая тайна?

Успокоившись, *Любопытство* взглянула на раскрытую книжку «Консуэло». Ей всегда были любопытны любовные романы. Но совсем не привлекало изучение психологии отношений с другими людьми: об их мотивах, действиях и ценностях. Как-никак, в жизни впереди ещё много интересных событий, и стряхнув переживания, поспешила *Любопытство* к некогда оставленным ради чужестранца друзьям.

А *Мудрость* подумала, глядя на *Любознательность*: разве иногда жизнь не разводит двоих только для того, чтобы показать обоим, как они важны друг для друга...

Надежда

Каждому путнику, вступающему в жизнь, Создателем даётся кладь, полная самого необходимого – *Радость, Дружба, Успех, Любовь, Счастье, Терпение* и *Надежда* – с неизменным условием научиться пребывать во всех этих состояниях.

И вот пока Путник с интересом оглядывал приветливые лица, на всю жизнь запоминал чёрточки самого родного лица, прислушивался к радостным восклицаниям присутствующих, а главное – нежному шёпоту знакомого любимого голоса, ягодицами осязал шлепок, а потом ладошкой – трепетную тёплую грудь, впервые обоняя и пробуя на вкус материнское молоко, посланные ему в сопровождение дары решили обозначить приоритеты.

– Я вместе с человеком с пелёнок, – сказала, улыбаясь, *Радость*. – Ведь дети умиляют своим появлением и сами купаются в родительском восторге. Огромный мир вокруг вовсе не страшит, потому как рядом самый надёжный человек – мать. И всё – в радость! Тепло материнских рук, улыбка, солнышко, чередка зим-вёсен. Подрастая, дети охотно делятся жизнерадостностью, познавая на деле – чем больше отдавать, тем больше становится! Они в восторге от закадычных друзей, от школьных успехов, первой влюблённости. А дальше по жизни, если получилось саккумулировать свет в душе, будут радостные отклики новым ощущениям, достижениям. Ведь с радостью в сердце человек осветляет всё вокруг. И поверьте, запасы у меня огромные, постоянно пополняются из вселенского банка, лишь бы оставалась способность радоваться дню, погоде, впечатлениям, путешествиям. А то ведь случается и так, – вздохнув, продолжила она, – к старости неразделённая, не подаренная радость захлёбывается в сетованиях на судьбу.

– Думаю, и я ничуть не меньше нужна, – добавила следом *Дружба*. – Без меня человек одинок. Только со мной возможны глубокие, искренние отношения, полные общих интересов, единых жизненных позиций, доверия, преданности, постоянной готовности в любой момент прийти на помощь, когда просто получаешь удовольствие, бескорыстно доставляя приятное другому. Дружить – это делиться

тем, что для самого важно, будь то время или тайны, собственность или чувства. Это желание позволить другу участвовать в том, что дорого. Истинный друг – огромный приз.

Все согласно закивали.

– Вы что реально считаете, что можно обойтись без меня? – вступил в разговор слегка заносчиво *Успех*. – Что за жизнь без достижений в делах, учёбе, без признания у поклонников-поклонниц, без общественного уважения? Я просто необходим для поддержания психоэмоционального состояния. Бывает так, что меня пригоршнями черпают поначалу, а уж к старости могут и не вспоминать. Но случается и по-другому: головокружительный триумф в полной мере приходит на склоне лет, чтобы было удобней почивать на лаврах. А скажите-ка: кто из вас дольше меня остаётся в людской памяти, когда уже и человек уйдёт из жизни? – горделиво заключил *Успех*.

– А мне кажется, что вы все упускаете из виду моё главенство! – сердечно пожурила спорщиков *Любовь*. – Разве не я усиливаю ощущение полноты жизни? Деятельная, бескорыстная и даже жертвенная я помогаю обрести смысл существования. Что может быть главнее для человека? Оправданность бытия!

Призадумались над её словами. Ведь и, правда, *Любовь* – душевный отклик, чувство глубокой симпатии, устремлённость и привязанность к другому человеку. И только она таинственным образом сплетает судьбы в единый сюжет, который логике не поддаётся.

Радость охотно поддержала:

– Конечно, это с помощью *Любви* люди приносят друг другу свой мир, чувства. Только она милосердна, долго-

терпиво, без эгоизма, зависти, раздражения и гордыни, доверчива, без зла, неразлучна с истиной и надеждой.

– Любовь, отнюдь не даёт безмятежности. Она волнует и потрясает всех, – воскликнуло *Счастье*. – Вот только редко бывает так у человека, что любимый для него является предметом служения и благоговения, без посягательства на его свободу, становление.

– Да, если из жизни уходят ощущение света, красоты, энергии, значит, в душе любви недостаточно, – согласилась *Радость*. – Если недополучил человек в детстве любви, то потом и всю жизнь тратит её с оглядкой, прижми-сто.

– Однако всего полно даётся человеку при рождении, – добавило *Счастье*, имевшее, правда, как никто, обыкновенные иссякать. – Между прочим, многие считают, что я есть смысл и цель жизни, основное назначение и венец человеческого существования. Согласитесь: родиться изначально здоровым – уже счастье. Жить в радости – счастье. Как можно дольше оставаться с самыми близкими – счастье. А счастье от настоящей дружбы, от полноты и осмысленности жизни, от внутренней удовлетворённости, от осуществления своего призвания?

– Да, счастье – это состояние, при котором души пребывают в спокойствии и гармонии с окружением, – кивнула *Радость*.

– А также желание того, чем обладаешь, а не обладание тем, чего желаешь! – следом продолжил *Успех*.

«И правда, понимание счастья зависит куда более от того, как встречаются события жизни, чем от природы самих событий», – подумало *Терпение*, не торопясь вступать в полемику. Уж оно-то знало, как нелегко людям принимать происходящее, быть терпеливыми в ожидании перемен дел к лучшему.

Мысли добродетельного *Терпения* не укрылись от присутствующих. *Успех* тут же со знанием дела пояснил:

– Бесспорно самообладание – это форма мужества, стойкое перенесение боли, беды, скорби, несчастья в жизни. Это не пассивность и не означает проигрыш.

– Правда, случается, – ответило *Терпение*, – что путают меня и мою маску, под которой прячется равнодушие, безразличие, чёрствость, даже угодничество. Бывает, ведь кто-то терпит по необходимости, кто-то – из чувства страха, кто-то – из угождения, например, ради карьеры или наследства.

– Ваши выдержка и кротость – это всегда мудрость, умение сохранять радостный дух, когда слишком много печали, – взволновано сказала *Радость*.

– Мудрость, конечно, нарабатывается с годами, но как вытерпеть невзгоды, предательства друзей, крах любовной связи, обошедший стороной успех? – не смолчала *Дружба*. – И вот ведь закавыка – с годами терпения нужно всё больше!

– А когда и оно иссякнет, как быть? – поинтересовалось *Счастье*.

В ответ *Терпение* обняло сидящую рядом молчаливую *Надежду*, на которую все тотчас обратили внимание.

– Знаете, это она поддержка стремлению каждого убедить себя в том, что желаемое сбудется, – с нежностью проговорило *Терпение*. – Надежда просто необходима для человека, за неё хватаются как за соломинку. Особенно когда разум говорит, что дело плохо, и сердце это знает, но не хочет смириться с неизбежным. Мы с ней рука об руку.

– Я всегда рядом с человеком, – подтвердила *Надежда*. – В детстве как убеждение в безграничности времени впереди, когда можно что-то оставлять на потом, в юности –

фантазии о будущей жизни; позже – недоверчивая уверенность в успехе, в любви, во взаимности. Надо только человеку уметь объяснять неудачи временными причинами, чтобы не оставалось ощущения беспомощности. А то ведь люди, утратившие надежду, либо успокаиваются, пребывая в иллюзии, либо замыкаются в отчаянии. Даже если неоправданно небережливо растрочены надежды, как бы то ни было их всё равно ещё достаточно, чтобы поддерживать у человека интерес к занятиям, к жизни.

– Да, *Надежда* всегда на стороне тех, кто верит в меня, – прибавил *Успех*.

– И всегда приходит на выручку тем, кто верит в нас, – поддержали *Любовь* и *Счастье*.

– Я ничто без веры, помогающей человеку бороться с трудностями, преодолевать страдания, скорби, – приветливо улыбнулась всем *Надежда*.

Долго ли, коротко ли продлится земной путь, но приблизится неизбежный момент исхода. Вот в преддверии его и можно узреть исполненную картину жизни Путника: получилось ли пребывать во всех дарованных состояниях, успешно ли?

Это только в известном мифе у Пандоры на дне ящика осталась лишь *Надежда*. А для уходящего Путника – заслуга, если в помощь сохраненной *Надежде*, чтобы облегчить час исхода, останутся ещё и *Радость*, *Любовь*, *Терпение*, *Дружба*. Сама же *Надежда*, наделённая безграничной любовью, становится поводом для души Божьей, возвращающейся к своим небесным пенатам.

Обида

Супруги *Эгоцентризм* и *Уязвленность* долго оставались бездетными. Поначалу они испытывали растерянность и огорчение, а потом уже – недовольство, претензии к судьбе и злость. Очень уж оскорбительно, когда дом – полная чаша, да без наследников. И передать некому свои представления о жизни, парадигму, даже свой консерватизм вместе с накопленным опытом.

Немало времени прошло, пока, наконец, родилась у них дочь, которую нарекли *Обидой*. Гордые и самолюбивые родители придерживались весьма строгой системы ценностей, которая, правда, заметно ограничивала их представление о мироустройстве. Однако ничто не могло заставить их усомниться в правильности взглядов. Своими предубеждениями, подозрительностью, оценочными суждениями они и дочери с детства привили столько условностей, что заложили в её сознании такую программу, о разрушительной силе которой и не подозревали. В своем себялюбии особой заслугой считали воспитанное в *Обиде* безоговорочное следование стереотипу справедливости. Родительское наследие заметно повлияло на её восприятие реальности и сделало вне сомнений уязвимой даже для собственных иллюзий.

Обида быстро подрастала. Очень скоро она научилась подмечать, что не вяжется действительность с впитанными идеальными представлениями о том, как другим надлежит поступать по отношению к ней. *Обиде* и в голову не приходило, что не всегда её требования были выполнимы, что у всех есть свобода воли и выбора как вести себя в той или иной ситуации. Зачастую *Обида* была в недоумении от того, что многое шло вразрез с её мнением, как должно быть

правильно, и постоянно обижалась. Ей-то казалось, что она всегда справедлива и в поступках, и в оценках. Посему, когда общалась с другими чувствами и эмоциями, считала, что есть все основания для критического к ним отношения. Ведь они оставляли неоправданными ожидания, заставляли страдать от их действий. Такое искажённое видение других мешало взаимодействию с окружающими. *Обида* вспыхивала, стоило им повести себя не так, как ей хотелось. И чем сильнее испытывала к кому-нибудь чувство привязанности, тем сильнее обижалась на него. Это отнюдь не помогало во взаимоотношениях. Мало у кого была охота терпеть *Обиду*, и круг друзей-приятелей заметно сужался. Все одно *Обида* никак не могла отказаться от постоянного оценивания других, считая, что имеет достаточно на то оснований. Досада и переживания были её реакцией на собственное заблуждение относительно действительного положения дел. Только вряд ли она о таком догадывалась, потому как была во власти гордыни и пагубного себялюбия. Не было в ней ни любви, ни смирения, ни кротости, ни мудрости. Вся такая правильная и благоразумная *Обида* испытывала удовлетворение от сравнения с другими. Ведь так сладко чувствовать себя неизмеримо лучшей среди окружающих. Ей все больше нравилось обижаться, причём даже безо всякого повода, этакая сладкая горечь от обидчивости. В подсознании основательно укоренилось страдание от неоправданных ожиданий, а её обидчивость, ставшая визитной карточкой, хорошо помогала манипулировать другими. Словом *Обида* получала даже удовольствие от смертельной обидчивости. Какое же оно было засасывающее, злокачественное и погибельное.

Единственной близкой подругой у *Обиды* оставалась *Вина*. Обеим многоцветная и сложная картина жизни виделась примитивной чёрно-белой, простой и ясной. Их род-

нила одна общая черта – извечный поиск виноватых, опять-таки противодействие обиженных. Да чего уж говорить: любое страдание вызывает защитное поведение.

Как долго бы ещё такое продолжалось, только однажды *Обида* вдруг почувствовала что-то зародившееся в ней. Иное злое, агрессивное стало рушить её равновесие. Это новообразование в ней, душащее и разъедающее изнутри, мало-помалу стало овладевать ею, подпитываясь от постоянной сильной обидчивости. Самонадеянность сыграла злую шутку с *Обидой*. Поняла та, в конце концов, что обидчивость – это состояние её души. И именно она гложет внутреннее жизненное пространство, помогая зародившемуся чудовищу разрастаться, чтобы в один неожиданный момент оказаться хозяином положения.

Страх поначалу вверг *Обиду* в панику, отчаяние. Увидев разверзшуюся бездну, проснулся инстинкт самосохранения. Вот тогда у страдальцы и появился шанс спастись, только бы поторопиться избавиться от обидчивости. Не медлить, распрощаться с чувствами оскорбления, уязвленности, пересмотреть свои иллюзорные жизненные установки, отступить от деструктивных принципов, однозначно отказаться от прежних своих преимуществ – осуждения и чувства собственной правоты. Самое же кардинальное искоренение обидчивости требует безусловного прощения обидчиков.

Что же рано или поздно, но наступает пора набираться истинной мудрости, чтобы меньше находить поводов для обид и не всякую причинённую другими душевную боль считать умышленной. И лучше избегать засорять память обидами, а то там может просто не остаться места для прекрасных мгновений, составляющих дивную мозаику жизни.

Самоуничжение

Немного времени минуло с той поры, когда на карнавале, устроенном *Завистью* для чувств и эмоций, завязался умопомрачительный роман *Эгоизма* и *Страсти*. Оскорблённая, супруга *Гордыня* долго делала вид, что всё это её не волнует. Впрочем, она и мысли не допускала, что такая шалость мужа, очередная интрижка, может повлиять на их брак, чересчур уверена была в своём превосходстве. К тому же *Гордыню* больше занимали собственные новые ощущения от долгожданного плода, зародившегося в ней. Да и свою приятельницу *Страсть* хорошо знала – уж слишком скоротечны были у той романы, на которые супруг *Азарт* не очень-то и обращал внимания, даже провоцировал их, подолгу пропадая то в казино, то на скачках.

Однако последовавшая беременность *Страсти* явилась неприятным известием для всех. К тому времени пресыщенному *Эгоизму* уже стала досаждать излишняя привязанность *Страсти*, безудержно посягавшей на его волю, желания, время.

Неуёмное пылкое влечение подрывало силы, замахиваясь на самочувствие, которое было для *Эгоизма* первостепенным. И вдобавок стали раздражать терпкие головокружительные запахи окружавших *Страсть* пионов и орхидей, соперничающих с его любимыми нарциссами. А ведь он в первую очередь ценил свой комфорт и ради прежнего устраивавшего жизненного уклада, подуставший от страстных отношений, повинился перед супругою *Гордыней*, милостиво простившую измену. В положенный срок появилась у них дочь *Высокомерие*. А когда через пару месяцев и *Страсть* преподнесла *Эгоизму* ещё одну дочь, назвав неожиданным именем *Самоуничжение*, предопределившим дальнейшую судьбу малютки, это уже мало растрогало се-

блялюбца. Потому рассчитывать на его участие в судьбе этой дочери вряд ли стоило.

Самоуничижение – бастард, и в собственной семье не находила признания. *Азарт* не одаривал ребенка вниманием и, даже наоборот, уклонялся от возможного общения. Мать, поначалу страстно занимавшаяся малышкой, очень скоро переключилась на новый объект обожания, поручив дитя няньке *Критике*. И подрастающий ребёнок быстро понял, насколько условной являлась любовь в их доме. Малышка боялась не соответствовать предъявляемым к ней требованиям. Вместе с тем у неё росло и укоренялось ощущение себя маленькой и незначительной, может хоть так удалось бы заполучить пусть малую толику расположения к себе родителей.

Наученная нянькой приносить извинения по поводу и без повода за всё, что делает, *Самоуничижение*, опережая всех, порицала себя за малопривлекательный вид, нерешительную походку, невнятную речь и за всегда потупленный взгляд. Чтобы избегать боли и разочарований, она искала прибежище в бездействии и неприметности, проявляя покорность и застенчивость.

Время шло, и *Самоуничижение*, обеспокоенная внешностью, неприспособленностью, отсутствием веры в себя, да и возрастом, всё глубже переживала свою беспомощность и крушение надежд. Как и отчего возникло неосознанное стремление к принижению собственной значимости? Как теперь уйти от сомнений в нормальности психики и здравости ума, когда угнетена ощущениями никчемности и обречённости? Как избавиться от постоянного обвинения самой себя? Что уж тут говорить о способности к соперничеству?..

Вот уже рассвет на пороге понимающе сочувствует оче-

редной бессонной выматывающей ночи. Даже физическая усталость от круговорота мучительных вопросов не помогает забыться в дреме.

Ох, как права единственно близкая ей сестрица *Высокомерие*: доколе продолжать мучить чувство собственного достоинства вечной неудовлетворённостью собой? Сама-то она всегда высоко несла голову, выказывая убийственное пренебрежение к самоанализу, горделиво и надменно выглядела на фоне безропотной сестры *Самоуничижения*, являвшей противоположность униженностью, смирением, ощущением вины. Она постоянно укоряла бедняжку за опущенные плечи, угодничество, покорность и упадок духа, насмешничала над её единственным положительным качеством, никак не присущим самой – скромностью.

Сколько можно хранить воспоминания о прошлых неудачах, опасениях и быть неспособной даже обратиться за помощью? Гордячка настойчиво твердит страстотерпице о том, что та основывается на ошибочной самооценке. И обязательно той признаться себе, что в глубине души звучит-то заносчивый голос, наполняющий ощущением права подвергать осуждению поступки других.

Самоуничижение и сама много думала, можно ли обуздать эти мучающие её качества, превратив их в источник дополнительных сил и веры в свои возможности. Однако не приходило в голову, что истинная скромность не терзает, а возвышает. По-настоящему скромный человек не испытывает сомнения в собственных силах, оттого и способен добиться всего, что считает для себя достойным. А если ставить себе в заслугу врождённую скромность, значит позволить губительному яду самоунижения проникнуть в душу.

Надо что-то делать. Во-первых, следует перестать сты-

диться себя. Поверить, что интересна для других, способна разрешать вопросы, которые ставит жизнь. Потом научиться принимать похвалу и комплименты и отказаться от привычки приносить за всё извинения. Нужно использовать любую возможность, чтобы расправить крылья души, постоянно самоутверждаться, отмечая свои успехи. И уж, конечно, не упиваться чувством правоты, заранее предсказывая себе неудачу.

Лучи солнца добавили алого цвета в зарю, даря под сказку, каким ярким можно сделать день. Стоит только заняться творчеством. Ведь оно вполне станет той основой, на которой можно уже строить здание уверенности в своих силах.

Совсем неважно насколько могут быть развиты творческие способности, ибо главное – удовлетворение от их применения, помогающее подняться с колен и посмотреть вверх.

Страсть

Некогда *Азарт* и *Страсть* вполне ладили между собой. И хотя пора влюблённости уже прошла, они по-прежнему оставались интересны и привлекательны друг для друга. Ему очень нравился её взрывной характер, безудержная эмоциональность. Всякий раз *Азарт* испытывал несказанное удовольствие, видя, как загорается она – будь то от его прикосновений или от вертящейся рулетки в казино. А *Страсть* обожала его лёгкость, запальчивость, заразительность, темперамент, была в восторге от того, каким отличным заводилой он был. Их особняк был притчей в языцах не только из-за дурманящего аромата роскошных орхидей и пионов. В часы сиесты, например, рискованно было приближаться к нему, чтобы потом с пунцовыми щеками стре-

нительно уносить ноги от будоражащих кровь чувственно-го воркования и страстных стонов, долетавших наружу.

Но после случившегося события – карнавала, который устроила коварная Зависть для чувств и эмоций, – не только у них одних, но и других жителей этого необыкновенного города что-то пошло наперекосяк.

Завязавшийся тогда умопомрачительный роман *Страсти* и *Эгоизма* привёл к тому, что порознь они уже не могли существовать. Общим для них было самолюбие, над которым трудились и гордость, и тщеславие, и ненасытная алчность обладания.

Они и сошлись на том, что оба бурно отделились удовлетворению собственных пылких желаний. *Страсть* и без того эгоистична по своей сути, а теперь её импульс души, беспорядочный и самозабвенный стал вообще неконтролируемым, непослушным разуму. А *Эгоизм* всегда видел во всём лишь средство, условие для достижения острых страстных впечатлений. Чувство любви подменилось пылким влечением, которое порой, не очень-то разбирается в способах удовлетворения своих желаний.

Они так неистово искали наслаждения в своём бытии, среди преходящего и непостоянного мира, что такое можно сравнить с болезнью, с наваждением.

И поныне *Страсть* и *Эгоизм* партнёры в чувственной интрижке, влияя абсолютно на все поступки и на сами отношения в целом.

Страх

Некогда жило племя могучих и бесстрашных воинов. Они были настолько неуязвимы, искусны в ратном деле, что ни разу ещё не проиграли ни одного сражения. Все боялись их: и люди, и звери. Они жили отдельно от женщин, которых просто не подпускали к своему становищу.

Охота снабжала пищей, а набеги – добычей – оружием, одеждой, утварью. Они сами возвращали себе смену из маленьких мальчиков, время от времени оставляемых перед их лагерем женщинами, с которыми также время от времени против природы было бы не иметь дело.

Однажды дозорные обнаружили женщину, сидящую поодаль ребёнка, по обычаю оставленного перед рвом. Тот оглядывался с любопытством по сторонам, но стараясь не упускать мать из виду. Когда приблизились, чтобы забрать его, малыш так задрожал и зашёлся плачем, что мать птицей подлетела к нему, заслонив ото всех.

Много раз, успокоив его, она отходила в сторону. Но с каждым приближением воинов, мальчуган вновь едва не терял сознание от крика, покрываясь холодным потом.

Видно, настал черёд что-то поменять в уставе племени. И они впустили в свой круг мать ребёнка – первую женщину, переступившую границу запрета.

А необычный ребёнок с удивительно огромными, но часто зажмуренными глазами был настолько пугливым, чутким, что вздрагивал при каждом шорохе листвы, хрусте ветки. Гром и молнии просто вселяли в него ужас, а страх перед смертью во время огненных ритуалов погребения павших воинов доводил его до обморочного состояния. За бесчисленные испуганные «ахи» прозвали его *Страхом*. Никак не получалось обучить его ни воинскому делу, ни искусству следопыта, ни преодолению опасностей, угрожающих его жизни.

Женщина же оказалась неплохой помощницей: постепенно разгрузила их с домашней работой, стала обустроить их быт, добавлять какое-то разнотравье в пищу, помогать выхаживать раненых в схватках с врагом или зверем и даже принимать участие в жизни воспитанников племени.

Переняв изрядную долю бремени забот, тем самым создала предпосылки к появлению и развитию других занятий. Кому-то по душе пришлось животноводство, кому – земледелие, кому – гончарное или кузнечное дело. Иные даже стали предпочитать ремёсла ратному делу.

Вот только принесла с собой женщина и другое: трудноопределимые предчувствия, ожидание недобрых событий, опасения, переживания, сомнения, недовольство, претензии.

Смелость и мужество исчезают там, где в воспитании подменяются действия мужской силы. Излишняя осторожность или осмотрительность стали оборачиваться трусостью.

Смельчаков поубавилось. Всё меньше было резону жертвовать жизнью. Множились привязанности к благополучию, удовольствиям, опасения за жизнь, за хозяйство, за близких.

И случилось, что случилось: стали на свет появляться дети уже в их становище. И не только мальчики. У *Страха* появились братья-сестры – *Испуг*, *Тревога*, *Трусость*, *Паника*, близняшки *Фобии*.

Все они отлично чувствовали опасения матери за их жизнь, её внутреннее состояние, при грозящих реальных или предполагаемых бедствиях. Приобретённые уже от рождения чувства беспокойства и страха стали инстинктом самосохранения, оповещающая об опасных ситуациях, побуждая к поиску защиты, а иногда и к бегству. Ведь это помогало выживать в таком беспокойном мире.

С той поры много воды утекло. *Страхи* прижились, завоёвывая жизненное пространство.

Было время, *Страх* даже оказал в обществе большое влияние на развитие такого критерия, как нравственность.

Ныне же в обществе потребления давно потерян страх ответственности за моральные устои. Все охвачены общим чувством беспокойства, каждый прикипает к своему благополучию и боится лишений, потери социального статуса.

Страхи, опасения, испуг подавляют, и люди застревают в чувствах одиночества, отверженности, подавленности, угрозах самоуважению, ощущениях собственной неадекватности.

В этой россыпи страхов есть главный – *Страх*, связанный с самой сущностью человека. Это страх перед смертью, перед неумолимым временем, перед бессмысленностью самого существования человека.

Уныние

Надолго жителям города – чувствам и эмоциям – запомнился карнавал, устроенный недоброжелательной злокозненной *Завистью*. Задуманная ею интрига дала возможность участникам пожить под чужой маской в мире тайн и авантюр, когда смешались реальный мир и фантазия. И не нашлось никого, кроме покинувшей бал-маскарад *Любви*, кто бы отказал себе в удовольствии немного расслабиться, примерить другие непривычные чувства и закружиться в бешеном ритме карнавальной вседозволенности, ощутить себя немного сумасшедшим, повеселиться так, чтобы не краснеть за какие-то свои эмоции, поступки, мысли и слова. А когда уже исчезли нерешительность, скованность, неуверенность, весёлое распутство, сбивая с толку, позволило шагнуть за рамки приличия, увлекая в приключения и флирт, очень скоро перетасовав прежде сложившиеся пары.

На ту пору *Шёпот* и *Меланхолия* только поженились и

неохотно согласились прервать уединение медового месяца. Однако феерическая возбужденная атмосфера карнавала стремительно увлекла и их, а потом и коварно подшутила над молодоженами.

Упустив из виду супругу, *Шёпот*, не тратя времени даром, в костюме балагура приник к ушкам увлékшей его очаровательной насмешницы, под маской которой скрывалась пленительная *Лень*. И вот они уже в поисках укромного местечка в оранжерее ненароком потревожили опередивших их *Меланхолию* и *Сна*, которых и вовсе невозможно было узнать под овладевшими ими масками страсти и азарта.

Случившийся карнавальнй вихрь оставил заметный след в судьбах многих чувств и эмоций. Завязавшийся роман возможно и дольше бы забавлял *Меланхолию*, только вот неожиданная беременность громом повергла в шок и погрузила в уныние.

От любящего супруга не укрылась её удрученность. Но узнав причину, *Шёпот* был шокирован и уязвлён приключением жены. И хотя сам был не без греха – у него случилась интрижка с *Ленью*, всё же решил удалиться, пока раскаявшаяся супруга не разрешится от бремени.

Уныние – дитя карнавала – появилась как укор для *Меланхолии*. Даже добрые участливые приятели сочувственно отводили порицающие взгляды, но при всём при том не придерживали осуждающие языки. Покровительство *Зависти* помогло скоро пристроить малютку в приют, где под попечительством монахинь росли такие вот нежеланные дети. А *Шёпот* и *Меланхолия* через некоторое время вообще уехали из этих мест, постаравшись навсегда забыть злополучный карнавал.

В укрытом от мира монастырском приюте малышка *Уныние* и провела свои детские годы. У неё не было под-

руг. Она сторонилась всех. Разве что привратница *Жалость* иногда выслушивала её грустные рассказы о будничных переживаниях, сновидениях, пессимистические мечтания. Правда, и *Сон* время от времени навещал обиженную судьбой незаконную дочь, пробовал развеять её удрученность и печальное настроение обещаниями грядущих радужных перспектив возможного замечательного будущего. Только это случалось всё реже, потому как многочисленные знакомые постоянно посягали на его время и внимание.

Наступившее взросление не привнесло ярких красок в продолжавшуюся будничную серую жизнь *Уныния*. Она не собиралась принимать постриг в монахини, как другие воспитанницы. Ей не понятны были ни их сосредоточенные на молитве лица, ни радостные ожидания причастия, адвентов, рождественского праздника, ни любовь в глазах, обращённых к алтарю, ни восторг от песнопений, псалмов, хоралов.

Всё вокруг казалось серым и сумрачным. Угрюмость, недоверие, обидчивость не давали возможности радоваться игре солнечных лучей в витражах часовни, бездонной лазури голубого неба, белоснежным шапкам окружающих альпийских гор, ярким краскам монастырского цветника, звонкому смеху молодых послушниц, мешали увидеть доброту в глазах настоятельницы и монахинь. Как тут ощутить присутствие и ласковое участие Бога в её жизни? Накопились обиды на судьбу, на зависимость от уставного распорядка, на укрывающие от внешнего мира сумрачные монастырские стены. Всё это взращивало досаду, недовольство, осуждения всех и вся и влекло в искушение прекословия. Но *Уныние* оставалась жить там, так как не было куда идти, да и вообще, желания что-либо менять в своей жизни. Она уже давно исполняла работу привратницы, но да-

же возможность разглядывать жизнь за воротами монастыря не вызывала у неё интереса.

Однажды мимо ворот проехал экипаж, в котором привратница углядела красивую молодую особу. Что-то в незнакомке так привлекло *Уныние*, что она просто вышла за монастырские ворота и отправилась следом. Дорога привела к давно пустовавшему старинному замку. Молодая женщина оказалась его наследницей. Удивившее появление незнакомой девушки из соседнего монастыря, рассказанная ею история жизни тронули хозяйку замка *Депрессию*. Неожиданно для самой себя она пригласила девушку в компаньонки.

Депрессия – дочь *Страха* и *Хандры*, с детства укутанная опасениями и ожиданием непредвиденных обстоятельств, выросла не столько в родительской любви, сколько во всеобщих переживаниях опустошённости жизненного пространства. Она унаследовала от дальней родственницы этот замок в глухомани, где мечтала укрыться ото всего: прежней жизни, сердечных ссор и неурядиц, вероломных друзей и докучливых близких.

Депрессия давно заметила, что общения всегда добавляли подавленности и удручённости. Оттого она и избегала вступать в новые отношения. И была удивлена собственному предложению, сделанному неожиданно появившейся девушке.

Так и случилось, что они просто не могли не сблизиться, так как обе оказались схожи характерами, подозрительностью, уязвлённостью, разочарованием, горечью нереализованных судеб. Им было о чём говорить подолгу, а потом слезами поливать несбыточные мечты и надежды израненных душ, всякий раз убеждаясь в оправданности опасений. Обeim нередко приходило на ум – уйти от отчаянных пе-

реживаний в другой, возможно, совершенный неведомый мир, казавшийся им более надёжным и свободным от обид и удручённости.

А ведь каждая была для другой тем зеркалом, в котором можно при желании углядеть все черты характера уродливо искажающие их существование. Однако желания-то и не возникало. А стало быть, и подсказки чем помочь себе, что изменить – не получить. Но ни та, ни другая, даже не пробовали выбраться из пелены собственных чувствований, всё больше увязая в апатии и безысходности, находя подтверждение неизменности уготованной им судьбы. Понемногу печаль снедала их сердца, сокрушала силы души каждой, доводя до крайнего изнеможения, порождая ещё большее недовольство, раздражительность, отчаяние, не оставляя никаких надежд. Горечь от обиды на жизнь лишь подслащивалась убеждённостью в правоте разочарований, хандры и пессимизма...

Да возможны ли с *депрессией* и *унынием* радость, свет, разноцветье жизни?

Отчего так человек устроен:
Легче смотрится по сторонам.
Так виднее, кто чего достоин
И какие блага по зубам.

От гордыни твёрже позвоночник.
Свысока о всех судить так просто.
Эгоизма пути держат прочно –
Нет к себе претензий и вопросов.

Издревле известно выраженье:
Кто последний – может стать и первым.
Снизу вверх смотреть не униженье,
Благодарным быть в поклоне, с верой.

Ведь над нами своды Мирозданья
Мы – песчинки, духом вверх влекомы.
Чистота, любовь, самопознанье
Открывают нам Творца законы.

Татьяна Валерьяновна Кайзер

Родилась в г. Ашхабаде (Туркмения), геофизик. С 1998 года живет в Берлине.

Член Международной гильдии писателей (МГП), Германия. Член франко-европейской литературной ассоциации (AFEL). Дипломант международных конкурсов.

Пишет религиозную и философскую лирику, прозу, стихи и сказки для детей. Имеет публикации в печатных изданиях Германии, Бельгии, России, Франции – 52 сборниках, 20 журналах, на 10 интернет-сайтах. Ряд ее работ переведен на немецкий и болгарский языки. Автором изданы книги «Ljubomir Drevnjak», «Азбука Веры», «Рождественские истории», «Остаюсь благодарна судьбе», «Размышления», «Францисканергассе 1, или чего могло не быть...».

<https://www.tatjanakaiser.de>